

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 20 / 2017

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Право и власть: аспекты взаимодействия

Исаев И.А. Демократия и «вождизм»:

равенство и господство 3

Макарова Н.А. Формирование правовых механизмов
гражданско-правовой ответственности государства:

историко-правовые аспекты 10

Танимов О.В. Сферы существования фикций:

мировоззрение, научное познание, право 15

Право и политика: неразрывные связи

Дубровин Ю.Д. Почему диктатура пролетариата,
а не демократическая республика? 24

Сигалов К.Е., Петрова Т.Э. Человек юридический
и его правовая определенность 28

Шалыгина И.С. История нормативного правового
закрепления социальной функции государства 33

«Крестьянское право»: истоки института

Васев И.Н. Основные правовые характеристики
землевладения и землепользования в условиях
русской крестьянской общины 38

Чупилкина А.Ф. Крепостное право и крестьянские
общины как антагонизмы, или Некоторые размышления
об аксиомах построения Российского государства 43

Плоцкая О.А. Особенности обычно-правового положения
женщины у пермских народов в XVIII–XIX вв. 49

Специальная юстиция: опыт прошлого

Нижник Н.С., Нудненко А.А. Становление
и развитие полицейской системы имперской России 54

Шкаревский Д.Н. Становление органов транспортной
юстиции в первой половине 1930-х гг. 61

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 18.09.2017.

Номер вышел в свет 12.10.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 20 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Law and Power: Interaction Aspect

- Isaev I.A.* Democracy and "Cult of the Leader":
Equality and Supremacy 3
- Makarova N.A.* Establishment of Legal Mechanisms
of Civil Law Liability of State: Historical
and Legal Aspects.....10
- Tanimov O.V.* Spheres Where Fiction Exists:
Mindset, Scientific Cognition, Law.....15

Law and Politics: Unbreakable Relations

- Dubrovin Yu.D.* Why Dictatorship of the Proletariat
Rather Than Democratic Republic?24
- Sigalov K.E., Petrova T.E.* Homo Juridicus
and His Legal Certainty28
- Shalygina I.S.* History of Regulatory Fixing of Social
Function of State.....33

"Peasant Law": Institution Origins

- Vasev I.N.* Main Legal Characteristics of Land Ownership
and Use in Conditions of Russian Peasant Community.....38
- Chupilkina A.F.* Serfdom and Peasant Communities
as Antagonisms or Some Speculations over Russian State
Building Axiom43
- Plotskaya O.A.* Peculiarities of Woman's Customary Law
Status in the Permian Peoples in XVIII – XIX Centuries.....49

Special justice: experience of the past

- Nizhnik N.S., Nudnenko L.A.* Establishment
and Development of Police System
in the Russian Empire.....54
- Shkarevsky D.N.* Establishment of Transport Justice
Authorities in First Half of 1930s.....61

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5.0.
Conventional printed sheet 5.0.
Passed for printing 18.09.2017.
Issue was published 12.10.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Демократия и «вождизм»: равенство и господство

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье рассматривается вопрос о важном факторе политико-правового действия — факторе «вождизма». Правовые формы, сопутствующие его возникновению, заимствованы из демократической традиции, при возникновении «бонопартизма» подвергаются искажению и деградации. «Вождизм» создает собственные нормы и формы легальности. Сам «вождизм» легитимируется силой вистов. Правовая система утрачивает рациональность, допуская в себе иррациональные элементы. Явление, происхождение которого относится к XIX в., проявило свои негативные черты в XX в.

Ключевые слова: легальность, закон, власть, диктатура, демократия, масса, насилие, государственный интерес, переворот, государственность.

Democracy and “Cult of the Leader”: Equality and Supremacy

*Isaev Igor A.,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation*

The article reviews the issue of an important factor of political and legal influence — the “cult of the leader”. The legal forms accompanying its occurrence are borrowed from the democratic tradition and undergo distortion and degradation at the rise of “Bonopartism”. The “cult of the leader” creates its own rules and legality forms. The “cult of the leader” itself is legitimated by the power of whists. The legal system loses rationality by admitting irrational elements in itself. The phenomenon originating in the XIX century displays its negative traits in the XX century.

Key words: legality, law, power, dictatorship, democracy, mass, violence, state interest, takeover, statehood.

Социальное является оригинальным продуктом XIX в. Это та часть государственности, которая со временем «не „утончается“ в либеральном смысле, но мощно консолидируется, если за это борются общественные классы: субстанцией и одновременно мотивацией социального является „милосердие“, которое в свою очередь конкретизируется из поддержки в институт, из любви в закон, из христианства в политику, из милости в подлежащее обжалованию право»¹.

В «Психологии социализма» Густав Лебон писал: «Милосердие, сердце — чувство анти-

социальное и вредное. Милосердие, жалость, альтруизм — все эти пережитки прошлого, умирающие на наших глазах. Будущему они будут неизвестны». Натуралистическая, по сути, идея солидарности также рассматривает человека только извне, как продукт природы, предпочитая внешнюю борьбу и отбор интенциям морального единения. Сама солидарность — только продукт борьбы, а не сентиментов, Гюйо определял мораль как автономное безначальное явление, «как бич нужно избегать руководства мыслью и совестью. Вера может быть только индивидуальной» (поэтому анархисты с готовностью признали его своим учителем). Он утверждал:

¹ Фрайер Х. Революция справа. М., 2009. С. 37.

мораль будущего не будет предписывать ничего: «Если силы твои средние, довольствуйся равенством, если чувствуешь себя сильным — распространяй свои идеи и помогай другим подниматься. Но не нужно больше ни законов, ни авторитета»² (в своей знаменитой дихотомии политического «друг — враг» К. Шмитт следует ницшеанскому различию, выраженному в формуле «я добр, следовательно, ты зол; ты зол — следовательно, я добр», Делез деликатно называет это «методом драматизации»).

Проблемой социального всегда является проблема (не) равенства; справедливость и право здесь — только моральное и юридическое прикрытие. Политическое искусство, создающее интервалы расходящихся интересов, перепады и дифференциацию, требует такого социального, где «частное и публичное взаимно гарантируются на расстоянии» в раздельном проявлении публичных страстей части и частных страстей блага (или прибыли)³.

Ницше заметил присутствие у всех униженных и несчастных определенной склонности к «яростным завываниям, скрежету зубов, с которым анархистские собаки скупаются по всем дорогам европейской цивилизации». Но анархисты — только кажущаяся противоположность идеологам великой революции, этим «сентиментальным, тупым лежефилософам всеобщего братства, желающим стать владыками автономного стада», их сближает предрасположенность против всякого права: но ведь когда все права станут равными, они сделаются ненужными. Анархисты наиболее последовательно хотят отвергнуть подчинение произвольным законам и не замечают при этом, что законы и все виды принуждения не смогут быть только моральными и что мораль не составляет полной противоположности произволу. Они не замечают, что все «свободное, тонкое, смелое, легкое, уверенное в себе... развивалось только благодаря тирании этих произвольных законов, и весьма возможно, что в этом-то и состоит природа и естественное, а никак не в девизе *laisser — aller*»⁴ («По ту сторону добра и зла»): естественное состоит именно в том, чтобы приказывать, размещать, располагать, свободно творить, повинаясь вдохновению

и действуя так, повиноваться законам, которые именно в силу их твердости и точности не поддаются окончательной формулировке посредством конечных понятий.

В отличие от Канта, Ницше формулирует свой собственный категорический императив: «...ты должен подчиняться кому бы то ни было, иначе приготовишь себе гибель», обращаясь с ним не к индивиду, а к народам, расам, эпохам и кастам: «Всегда будут господа и рабы — это и есть истинный закон природы». Цель оправдывает средства; человечество в массе, принесенное в жертву, ради преуспевания одной породы более сильных людей, — вот в чем состоит «прогресс», рабство же — одно из главных условий высшей культуры, а прогресс измеряется величиной принесенных ему жертв⁵.

Готовить почву для будущего, принося огромные жертвы, возможно только, встав по «другую сторону добра и зла», отвергнув все бытующие и банальные ценности и представления. Объективный закон должен «воспарить» над частными заботами, интересами и страданиями, оставив их в области субъективного. Господство и рабство должны восприниматься так же беспристрастно, как это делал Аристотель. На этом пути не должно быть никакой половинчатости или компромиссов.

В философии пантеизма зло, заблуждение и страдание не воспринимаются как достаточные доводы против провидения и божественности, и этим-то и злоупотребили власти и либеральное государство, как бы подтверждая разумность всего непосредственно существующего, — это был также опыт Гегеля (Хайдеггер).

Но гегелевская философия истории отвергается идеей «вечного возвращения», ведь там, где нет прогресса, отсутствует и конечная цель. По Ницше, ничто никогда не заканчивается, конец есть лишь гипотетическая фикция, фиктивная точка покоя, полагаемая себе духом, зато на середине пути появляется фигура «сверхчеловека», он и есть точка притяжения для всех периодов возвращения. «Сверхчеловек» неразрывно и синхронически связан с появлением своего мифического протагониста — «последнего человека»: потеря веры ведет его к исчезновению страха, авторитета, доверия, к сиюминутности и стремлению к примитивной цели, к зримому. Тогда господствуют опыт и эксперимент, чувство безответственности, радость анар-

² Дармо А. Классификация моральных идей // Общество и мораль. М., 2006. С. 21–22.

³ Рансьер Ш. На краю политического. М., 2006. С. 40–41.

⁴ Фулье А. Ницше и имморализм. М., 2006. С. 156–157, 166–167.

⁵ Там же. С. 156–157, 166–167.

хии. На место гордости приходит благоразумие: «Еще более пошлый род людей получает власть (вместо знати или священников): сначала купцы, потом рабочие. Масса наступает на правителей. Тогда же все еще существуют „наблюдатели эпохи“, они живут „за спиной эпохи“ и упражняются в том, чтобы освободиться от времени, они не желают быть бюргерами, политиками и собственниками»⁶.

Ощущение потребности при каждой возможности обращаться к инструментам собственной власти есть свидетельство страха и неуверенности. Только отсутствие стабильности и могущества заставляет прибегать к прямому насилию (в «Размышлениях о государстве, как могуществе» Ю. Эвола говорит, что абстрактными и пассивными являются воля и сила субъектов, не живущих согласно идее; поэтому ни в «американизме», ни в коммунизме духовный элемент одинаково не учитывается). Могущество не равнозначно материальной силе: превосходство не опирается на могущество, но могущество опирается на превосходство; спорадическая «нужда в могуществе и есть бессилие». Овладев могуществом, человек приходит к полному безразличию и уже не видит смысла в том, чтобы действовать: «магический» человек находится по ту сторону добра и зла, но это уже «сверхчеловек», стоящий над обыденной моралью.

В наше время мыслить «социально» означает верить в организацию и «аппаратуру», здесь человек, самоутверждаясь, выражает свое подобострастное почтение к идеологии технического прогресса. Уже в философии Фихте мы сталкиваемся с жесткой насильственностью и отсутствием платонической мягкости в отношении человеческой природы; система Гегеля еще раз продемонстрирует свое враждебное отношение к природе и господство механически действующей причинности и логического понятия (чего еще не ощущалось в системе Лейбница и против чего возражал Шеллинг)⁷.

Йохан Хейзинга заметил, что уже римская мировая империя проявляла свой в высшей степени иррациональный характер, только маскируемый формальными притязаниями на священное право; XIX в. со своим провозглашенным идолом — рационализмом — явно переоценил роль экономического фактора и техники. Но уже в XVIII в. трезвое, прозаич-

еское понятие пользы (смертельное для идеи барокко) и буржуазные идеалы благополучия стали овладевать духом общества: «игровой фактор» в общественной и политической жизни окончательно исчез; ни либерализм, ни социализм уже не давали ему никакой пищи. Внешние формы социальной жизни перестали быть театральными сценами для представления идеалов высшего общества, как образцов. Изменения, внесенные Французской революцией, стали последним экспрессивным всплеском, очень быстро сменившимся скучной унификацией стиля: «идеалы труда, всеобщего образования и демократии», которые принес XIX в., уже не оставляли места «вечному началу игры»⁸.

В тотальном политическом не существует какого-либо видимого центра или «резиденции» (типа двора государя или публичного мнения) — каждая точка здесь потенциально наделена характером центра. В политической истории кажущееся и воображаемое всегда играли не менее важную роль, чем действительное, и часто нереальное преобладало над реальным: на этом преобладании основывались могущество победителей и сила государств. По-разному истолкованные базовые понятия, такие как «демократия» и «социализм» (само это слово неизбежно вызывает ассоциации с понятием социального, хотя отнюдь с ним не совпадает), пробуждали различные образы в массовом мышлении (так, латинское представление о демократии было связано с исчезновением индивидуальной воли перед лицом воли и инициативы общин, а «общей воли» — в связи с возрастанием государственной централизации и монополии. У англосаксов слово «демократия», напротив, означало самое широкое развитие индивидуальной воли и свободы и соответствующее ограничение государственного вмешательства)⁹. Тем самым социальные идеи и иллюзии играли особую и достаточно постоянную роль, в отличие от быстро меняющихся политических предпочтений и доктрин.

Многообразные формы мышления «замываются выравнивающим влиянием написанного слова» (К. Мангейм), но оказываются четко различимыми. Крайние элементы связываются только благодаря действию некоего высшего трансцендентного начала. Вместе с Новалисом романтизм проявляет склонность к иерархическому смягчению

⁶ Юнгер Ф. Ницше. М., 2001. С. 199–200.

⁷ Юнгер Ф. Совершенство техники. СПб., 2002. С. 227–228.

⁸ Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1997. С. 183–185.

⁹ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2010. С. 273.

крайностей: «Невозможно, чтобы земные силы сами находили состояние равновесия; только третий элемент, вместе и земной, и внеземной может решить эту проблему»¹⁰.

Либерализм завоевал свое политическое пространство, оперируя такими категориями абстрактного духа, как «разум» и «добродетель». Приходящие ему на смену силы легитимировали уже новые технические средства, которыми мир в будущем должен быть мобилизован. Для либерала подобный процесс завоевания выражался в создании конституций, в которых разум, разрушивший старое общество, становился фундаментом и основным мерилом всего нового.

Либеральный рационализм революционен и радикален, поскольку стремится рационализировать весь общественный порядок до основания и системно. Он противопоставляет существующему миру одну жесткую и статичную политическую систему в форме писаных проектов и конституций. В противовес этому консерватизм начинает борьбу с обобщениями и системным мышлением, с мыслью как статичной системой.

Мысль Просвещения двигалась по прямой линии, «источник идеи прогресса находился в однолинейной конструкции», развитие понималось как развитие единичного принципа. Романтизм предложил новый метод мышления в категориях антитез и противоположностей. Адам Мюллер наиболее последовательно вывел отсюда особое соотношение понятия и идеи: «...государство и все существенные человеческие дела отмечены тем характерным свойством, что их... нельзя охватить либо втиснуть в слова и дефиниции. Жесткие формы, раз и навсегда определенные для государства... — формы, которыми пользуется... наука, называются понятиями. Но понятия государства не существуют»¹¹. Есть только идея государства, и его природа может быть определена без использования дефиниций («этого яда науки»), а путем описания взаимных отношений «извечных словесий»: такой подход кажется более ясным и точным, чем самый точный анализ.

«Новый порядок» формировался из движущихся масс и энергий, которые оставляло после себя либеральное общество: Э. Юнгер говорил о «замене принципа конституции рабочим планом» (о том же писал и К. Мангейм): государство теперь уже не огра-

ничивалось предоставлением человеку «незыблемых» конституционных прав, а стремилось «изменить его жизнь авторитарно»¹² (М. Фуко будет в этой связи говорить о «био-власти»).

С этой точки зрения, право представляет собой авторитетный приказ суверена либо его подчиненного, которому суверен дает императивное распоряжение от своего имени, во втором случае приказ будет являться правом только в том случае, если он отдан во исполнение другого приказа самого суверена: однако модель приказа, подкрепленного угрозой, к которой пытались свести все многообразие законов, приводила к ложному одобрению и скрывала в правовой форме значительно больше, чем выявляла¹³.

Нивелирование и уравнивание вполне могут достигаться самым кратчайшим путем — принудительным нормированием. Однако процесс социальной дифференциации есть объективный процесс, который не может быть успешно скорректирован только силовым воздействием: социальное же развивается по другим законам, нежели отдельный индивид. Руссо некогда представлял законодателя самовластным лицом, которое подчиняет всех системе, сформированной внешним образом, и вводит устройство, которое он сам же и придумал, благодаря исключительно своей мудрости. Ему казалось, что таким образом вполне возможно «переделать» тот народ, который он желает сделать свободным: для этого государство должно взять под свое попечение всякое человеческое существо с самого его рождения и мощной рукой направлять его воспитание. Но «как может необразованная толпа, часто сама не знающая чего хочет, потому что редко знает, что для нее полезно, — как может она сама собой исполнить такое обширное трудное предприятие, как начертание системы законодательства?» Только «общественный договор» дает «политическому телу» его абсолютную власть над всеми его членами, поэтому и главная цель народа — сохранение государства: «...все становится законным и даже добродетельным, если делается в интересах общественной безопасности» (Гельвеций).

Но и опасные крайности демократии обусловлены тем, что сама эта форма основывается на идее «договора, в котором сказано, что большинство право не потому, что оно

¹⁰ Цит. по: Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 648.

¹¹ Там же. С. 642–643.

¹² Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. СПб., 2000. С. 391–393.

¹³ Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., 2007. С. 56.

обладает истиной, а потому, что оно большинство» (К. Поппер уточнял: либеральная демократия изначально была основана на неизбежном дуализме фактов и норм), именно такое промежуточное положение и делает демократию столь неустойчивой и противоречивой политической формой, всегда рискующей и готовой склониться к диктатуре. (Ю. Мёзер подчеркивал различие между жесткой и систематической теорией, с одной стороны, и жизнью и практикой — с другой. «Политика, которую я имею в виду, должна рассматривать государство как нечто непостоянное, живое, подвижное, а не навязывать ему законы и затем бездейственно ждать, что будет»¹⁴. Абсолютные ценности лежат вне теории и выше ее. Познание является одновременно знанием и действием. Действительность находится в чистом, свободном от понятийных конструкций и рационализации опыте. Эта динамическая форма мышления открывала прямую дорогу к «неоромантизму» Ницше).

Только государство может придать абстрактным идеям силу закона, права, делая это не ради самих идей, а ввиду своего собственного интереса. Уже история римского права показала, что первоначальная творческая сила права была заключена в некоем «субъективном принципе», не в сознательном стремлении к справедливости, а в инстинктивном желании жизни, т. е. в эгоизме. Из столкновения и союза эгоизмов и проистекают законы, обозначенные первоначально в виде договора¹⁵.

По Ницше, буржуазная демократия не обладает никакой осязаемой субстанцией, поэтому она и есть «историческая форма упадка государства», в то время как социализм, ее противник и преемник, в перспективе способствует установлению деспотизма, и оба движения ведут к деградации и нивелированию. «Посредственность» большинства есть первое условие для того, чтобы появились исключения, вместе со «стадными животными» возникают и вожаки: «А не было бы для самого демократического движения... целью, спасением и оправданием, если бы явился кто-то, кто воспользовался бы им, чтобы в конечном счете благодаря ему и его новой форме рабства, добавился бы еще и... тот высший род властного и царственного духа, который основывался бы на нем... На фоне чрезвычайно

интеллектуально развитой массы "стада" обрывается ответная раса господ» (Ф. Ницше).

Демократия порождает массу, послушную «большой политике», дрессируемость в демократической Европе чрезвычайно велика, и люди, которые легко обучаются и легко покоряются, составляют здесь большинство. И все же центр тяжести переносится на людей посредственных: посредственность, как гарант и носительницу будущего, отживший мир идеала вновь обретает своих заступников в лице посредственности¹⁶ («Конституционные демократы не знают ничего иного более спасительного, нежели компромисс. Потому что, алкая справедливости и гуманности, они из благосклонности ко всем хотят, чтобы никто не получил ничего подлинного, но всем бы досталось подобие чего-то; чтобы монарх был, но подобием монарха, чтобы демократия была, но подобием демократии... Все спасение — в подобном» (Зинаида Гиппиус)).

«Характерная черта равенства... не столько в том, чтобы объединять, сколько в том, чтобы деклассировать, разрушать предполагаемую естественность порядков, заменяя ее полемическими фигурами разделения». Старая корпоративная иллюзия о «коллективном теле», разделенном на ордены, сословия и гильдии, и либеральная иллюзия «о весах и противовесах» в плюралистическом обществе уже в XIX в. сменяются агрессивной идеей классовой борьбы с ее одновременно «гуманизирующей силой разделения»¹⁷. Нивелирование делает сначала излишними отдельные традиционные сословия, затем партии и классы. По исчезновении этих конституирующих признаков демократии на первый план выступает единообразная и компактная масса, которой присуща тенденция к концентрации, сплочению и скученности на небольших политических пространствах.

Вождь массы здесь — только первый среди равных, поэтому массу может представлять и репрезентировать только «актер», ведь только на него она по-настоящему и реагирует, он ее идеал, идол и герой. Он не является подлинным властелином, но лишь изображает настоящее господство, подражая ему: диктатор вовсе не независим от массы и не отделен от нее посредством своей воли. Он как бы инструмент, исполняющий свою машинальную работу, он следует монотонности слепо

¹⁴ Цит. по: Мангейм К. Указ. соч. С. 649.

¹⁵ Бугле С. Социальная наука в современной Германии. М., 2011. С. 123.

¹⁶ Лёвин К. От Гегеля к Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 431–432.

¹⁷ Рансьер Ш. На краю политического. М., 2006. С. 59–60.

работающего элементаризма, но состояние «минимум», достигнутое вследствие общей нивелировки, принуждает его действовать именно с помощью чрезвычайных насильственных средств. Высокая степень равенства необходимо ведет к диктатуре, при которой нет уже нужды в репрезентации, по принципу тождества она сама отождествляется со своим руководством¹⁸.

«Современный мир, лишившийся власти, данной от Бога, находится меж двух невозможностей: невозможностью прошлого и невозможностью будущего». Не нужно воображать, что, если сейчас плохо, то рано или поздно из этого зла все же произрастет добро, «законы не властны над человеческой природой, поврежденной в своей основе», так, переизбыток свободы неизбежно ведет к деспотизму, но переизбыток тирании всегда ведет только к новой тирании (Ф.Р. Шатобриан).

Единичный человек, пусть и сильный, но не вождь масс, теперь руководство взял на себя «ложный» актер. И индивид в этом движении не определен исторически как единичный человек или масса, теперь у него вообще нет никаких исторических задач: против радикалов и «черни» в борьбе объединяются не более чем они, симпатичные «посредственности», заурядные и тоскливо положительные. Они изначально настроены на торможение и консервацию (это «либералы, ученые, финансисты и евреи», утверждал Ницше). Эта целокупность машинерии настроена на максимальную эксплуатацию человека: «Все издержки суммируются в некий общий убыток, — человек становится меньше». Человек хиреет и надеется только на встречный процесс, основой которого станет «сверхчеловек». Во Франции Моррас защищал классицизм (который здесь был не только эстетическим стилем, но и политической культурой) от романтического субъективизма. «Стиль — это видимая сущность политического феномена». У истоков романтизма стояли Руссо и якобинский национализм, не столько эстетический, сколько мессианский. Разрушение «старого порядка» стало разрушением классического стиля.

Демократия — это форма правления, не дающая никакого места, никакого органа общему интересу, «она верит, что общий интерес механически возникает из сил натяжения и нажима частных интересов». Но в действительности государство становится жертвой слепой жадности множества отдельных лиц. «Господство суммы индивидуальных спонтанностей означает паралич спонтанности общественного бытия». «Есть только одно средство улучшить демократию: уничтожить ее» (Шарль Моррас). Демократия тайно чтит анархию — ее самое чистое выражение — в предпосылках Монтеスキе уже заключен Кропоткин¹⁹.

Автономное стремление техники — бессмыслица. В этой ситуации рабство только становится всеобщим. Процесс нивелирования движется к нулевому уровню. Равенство оказывается основанием, служащим сведению к плоскости: оно составляет абстрактный принцип, благодаря которому осуществляется революционная работа, и ему соответствует такой же абстрактный принцип единства и однообразия. Равенство реализуется все больше и больше, и его результат обнаруживается в растущем однообразии и монотонности человечества: оно является тем политическим состоянием, в котором только и может находиться масса.

Если перепады и дифференциации давали силы обществу, то «нулевое состояние» уже ничего не дает. При достижении нулевого уровня нивелирования оно превращается в диктатуру: диктатура же обнаруживается как в начале движения, чтобы создать для него пространство (якобинцы), и она же проявляется в конце движения, чтобы организовать это «состояние-минимум»; стремление к равенству неожиданным образом реализуется в централизме, организованном уже не иерархически, но бюрократически²⁰. Карл Мангейм прогнозировал: «...планируемое общество будущего примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, будет демократической».

¹⁸ Юнгер Ф. Ницше. С. 223–226.

¹⁹ Цит. по: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 199–124.

²⁰ Юнгер Ф. Ницше. С. 221–224.

Литература

1. Бугле С. Социальная наука в современной Германии / С. Бугле. М.: Либроком, 2011. 176 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. М.: Академический Проект, 2010. 240 с.

3. Лёвин К. От Гегеля к Ницше / К. Лёвин. СПб. : Владимир Даль, 2002. 672 с.
4. Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. М. : Юристъ 1994. 704 с.
5. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск / Э. Нольте. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
6. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер. М. : Праксис, 2006. 240 с.
7. Фрайер Х. Революция справа / Х. Фрайер ; пер. с нем. Ю.Ю. Коринца ; под ред. Б.М. Скуратова. М. : Праксис, 2009. 143 с.
8. Фулье А. Ницше и имморализм / А. Фулье ; пер. с фр. А.И. Введенского. М. : КомКнига, 2006. 328 с.
9. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт ; под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга ; пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова ; коммент. Д.Э. Харитоновича. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
11. Юнгер Ф. Ницше / Ф. Юнгер. М. : Праксис, 2001. 256 с.
12. Юнгер Ф. Совершенство техники / Ф. Юнгер. СПб. : Владимир Даль, 2002. 560 с.
13. Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт / Э. Юнгер. СПб. : Наука, 2000. 539 с.

Формирование правовых механизмов гражданско-правовой ответственности государства: историко-правовые аспекты

Макарова Наталия Аркадьевна,
доцент кафедры гражданского и семейного права
Саратовской государственной юридической академии,
судья в отставке
makarovana70@mail.ru

Статья посвящена исторической ретроспективе формирования правовых механизмов гражданско-правовой ответственности государства. Описаны различные этапы исторического развития законодательства, регламентирующего возмещение вреда, причиненного государством с точки зрения развития его процессуальных механизмов. Особое внимание обращено на российское законодательство конца XIX — начала XX в. Проанализированы материально-правовая и процессуальная возможность возмещения причиненного государством вреда в советский период. Сделан вывод о тесной взаимосвязи исследуемого правового института и основ политического строя, объясняемой тем, что государство является особым субъектом гражданских правоотношений. Акцентировано внимание на фрагментарности развития правового института ответственности государства в России. Обращено внимание на отсутствие его последовательного исторического развития, что не позволило в достаточной мере сформироваться процессуальным механизмам, обеспечивающим наиболее эффективное восстановление прав лиц, пострадавших от незаконных действий государства и его должностных лиц.

Ключевые слова: суд, судопроизводство, иск, государство, должностные лица, возмещение вреда, механизм правового регулирования, правоотношения, незаконные действия (бездействие), историческое развитие.

Establishment of Legal Mechanisms of Civil Law Liability of State: Historical and Legal Aspects

Makarova Natalia A.,
Assistant Professor of the Department of Civil and Family Law
of the Saratov State Law Academy,
Judge Emeritus

The article deals with a historical retrospect of the formation of the legal mechanisms of civil liability of the state. Describes the different stages of historical development of the law governing compensation for injury caused by the state from the point of view of the development of its procedural mechanisms. Particular attention is drawn to the Russian legislation late XIX and early XX centuries. Analyzed the substantive and the procedural possibility of compensation for harm caused by the state during the Soviet period. Concluded that the close interrelationship of the investigated law institute and the basics of the political system, thanks to the fact that the State is a particular subject of civil legal relations. Special attention is paid to the fragmented development of legal institution of state responsibility in Russia. Drawn attention to the lack of consistent historical development that did not allow sufficiently develop procedural mechanisms for the most effective restoration of the rights of individuals affected by the illegal actions of the state and its officials.

Key words: court proceedings, sued, the state, officials, redress, legal regulation mechanism, legal relation, illegal actions (inaction), historical development.

Очевидно, что государство и его должностные лица при осуществлении своих властных полномочий не всегда поступают в

строгом соответствии с законом, в результате чего возможно причинение вреда участникам этих правоотношений. К решению проблемы

возмещения такого вреда в различные моменты истории нашей страны само государство и законодательство подходило по-разному. При этом, к сожалению, фрагментарность в формировании этого правового института не позволила до сих пор выработать единый подход к природе возмещения вреда, причиненного государством, а равно оптимальные правовые механизмы осуществления права потерпевшего на возмещение.

Любой процессуальный закон совершенствуется в результате выявления его достоинств и недостатков во время его практического применения, он оттачивается путем внесения в него изменений, направленных на наиболее полное обеспечение возможности реализации права на судебную защиту участников гражданских правоотношений. Можно ли назвать существующие в настоящее время в российском законодательстве процессуальные нормы, регулирующие механизм возмещения вреда, причиненного государством, достаточно выверенными для оптимального обеспечения права пострадавшего на восстановление его прав, нарушенных незаконными действиями государства и его должностных лиц? Представляется, что нет. И это детерминировано в том числе отсутствием исторически сложившихся и сколь-нибудь целостных процессуальных механизмов реализации этого права. Поэтому чрезвычайно важно обратить внимание на отдельные исторические аспекты формирования таких механизмов.

Итак, первые шаги в становлении анализируемого правового института были сделаны Петром I, который дозволил пострадавшим от судебного произвола «в партикулярных обидах бить челом» на должностных лиц и «искать с них судом, где надлежит». Тогда как судьи, постановившие приговор о наказании невинного, были обязаны вернуть его из ссылки за свой счет, заплатить ему штраф за назначенное наказание, возместить понесенные убытки¹. Единственным указанием на процессуальный механизм получения возмещения вреда было описание права «бить челом», т. е. обратиться к государю и уповать на его решение. Можно предположить, что само обращение могло быть сделано по общим правилам, принятым для того или иного лица при обращении к царю, исходя из его социального положения в об-

ществе, а правила рассмотрения этого обращения установлены быть не могли, поскольку трудно себе представить введение в то время регламентации действий императора. После смерти Петра I возможность получения возмещения за вред, причиненный государством, была исключена, а потому очерченный единичный эпизод никак не повлиял на формирование правового института в части формирования его процессуального механизма.

Историческое становление Российской государственности отличается своей самобытностью, сильным влиянием монархических устоев, что затрудняло развитие демократических правовых институтов, к которым, безусловно, относится и право получения возмещения от государства за причиненный им вред. Если в европейских государствах с развитием демократических традиций вопрос ответственности государства перед своими гражданами решался достаточно постепенно и органично, то в дореволюционной России этого не произошло вплоть до позапрошлого века.

Только в середине XIX в. в ходе проведения правовой реформы государство и общество России показали готовность к осознанию необходимости обеспечения потерпевшим от действий государства и его чиновников возмещения причиненного вреда, а также понимание неделимости этой проблемы и целесообразности введения процессуальных механизмов реализации данного права. При этом в российском законодательстве усматривается схожесть основных принципов и механизма возмещения вреда, имеющих в то время в странах Европы.

В целом законодательство того периода было сконцентрировано на правовом регулировании возмещения вреда, причиненного подданным, подвергнутому незаконному уголовному преследованию. Так, отчасти отношения, связанные с гражданско-правовой ответственностью в сфере осуществления правосудия, были урегулированы в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных (1845, 1885) и Законах Гражданских (21.03.1851). Причем сначала обязанность по возмещению причиненного вреда возлагалась на причинителей (судей и чиновников), а не на государство в лице казны.

В ст. 677 ч. 1 десятого тома Свода законов Российской империи был дан общий характер ответственности всех должностных лиц за принятие ими решений или противозаконных мер в отношении лиц, повлекших вред

¹ Вишняков О.В. Судебная власть о возмещении вреда в сфере правосудия // Российский судья. 2008. № 1. С. 20–23.

или убытки². Отдельно в ст. 678 определялась ответственность судей, постановивших неправосудный приговор, на которых возлагалась обязанность не только возместить неправильно осужденному материальный ущерб, но и выплатить определенную в законе сумму денег³. Механизм такого возмещения определялся по общим правилам, предусмотренным в ст. 644–646.

С процессуальной точки зрения внимания заслуживают положения ст. 679, которая вводит такой термин, как «разномыслие», и определяет, что право потерпевшего требовать от должностного лица возмещения морального вреда могло быть реализовано только в том случае, если при пересмотре дела в суде не было голосов, осуждающих его. В тех же случаях, когда большинство голосов было в пользу подсудимого, но были голоса и против него, он освобождался от ответственности без права требовать вознаграждения⁴.

Анализируя процессуальные механизмы рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного судьями и иными государственными чиновниками, можно сделать вывод, что установленная процедура имела целью затруднить реализацию провозглашенного права потерпевшего. Процедура эта состояла не столько во введении иных, основанных на правовой природе ответственности государства процессуальных правилах, сколько устанавливала дополнительную стадию рассмотрения вопроса, после завершения которой с положительным результатом обеспечивалась возможность рассмотрения дела в общем порядке окружным судом (ст. 1336 Устава гражданского судопроизводства 1864 г.).

Между тем до этого момента в силу ст. 1331 Устава потерпевшему от действий чинов окружного суда и мировых судей требовалось получение разрешения судебной палаты, а от председателей, чинов и прокуроров высших судебных установлений — разрешение Соединенного присутствия 1-го и кассационных департаментов Правительствующего сената. На этом на предварительном этапе не нужны были объяснения просителя и вызовы лиц, к которым был предъявлен иск. Признав, что жалоба может подлежать удовлетворению, палата или сенат направляли копию просьбы обвиняемому для дачи объяснений. По истечении надлежащих сроков в закрытом

заседании постановлялось решение после предварительного выслушивания докладов одного из членов и заключений прокуратуры. В случае признания просьбы, подлежащей удовлетворению, назначался окружной суд, в который проситель мог обратиться с иском о вознаграждении⁵.

Отсюда трудно не согласиться с утверждением Н.Н. Лазаревского относительно доступности правосудия по возмещению вреда, причиненного государством, который, анализируя предусмотренные процессуальные механизмы, писал: «Существующая постановка гражданских исков, основанная на преступлениях должности, сводится к выдержанному отказу в правосудии»⁶.

Однако, несмотря на некоторую запутанность самого судебного производства, можно сделать общий вывод о том, что все же так или иначе процессуальный механизм определял процедуру привлечения должностных лиц судебного ведомства к юридической ответственности. Особенно важным представляется то, что «наряду с уголовной и дисциплинарной наличествовала и гражданско-правовая ответственность в совокупности с проработанным процессуальным порядком ее реализации»⁷.

Исследуя отечественное дореволюционное процессуальное законодательство, можно утверждать, что был сформирован такой правовой режим, который обеспечивал возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности государства в лице казны, а также самих чиновников за вред, причиненный при отправлении правосудия. Невзирая на то, что несовершенство этого законодательства несколько затрудняло возможность получения потерпевшими соразмерного возмещения, установленная процедура была довольно функциональной, способствовала законному и объективному судебному рассмотрению гражданских и уголовных дел и, несомненно, получила бы дальнейшее развитие в направлении совершенствования и упрощения процессуальных механизмов, но этому помешали события 1917 г.

⁵ Судебные уставы 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866. Ч. I. С. 621–623.

⁶ Лазаревский Н.Н. Объяснительная записка к проекту третьей книги Устава гражданского судопроизводства. М., 1995. С. 582.

⁷ Афанасьев С.Ф., Григорьева Т.А. Институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный виновными действиями суда, и процессуальный механизм его осуществления: вопросы истории // Администратор суда. 2013. № 4. С. 24–27.

² Свод законов Российской империи. Законы гражданские. СПб., 1857. Ч. I. С. 131.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 131–132.

Политический режим, который был установлен в России после революции, был далек от тех демократических начал, которые могли быть положены в основу правового института, регулирующего ответственность государства за его незаконные действия. Это обусловлено поворотными историческими моментами, которые не могли не сопровождаться жесткими, силовыми методами со стороны новой политической власти и, несомненно, вели как к законодательному нарушению прав и интересов граждан, так и к упрощению процедур привлечения к той или иной ответственности его граждан с одновременным отрицанием возможной незаконности действий самого государства. В такой обстановке развитие как материальных, так и процессуальных основ ответственности государства практически было невозможным.

Было бы несправедливым утверждать, что на начальном периоде становления Страны Советов полностью отсутствовали правовые нормы, направленные на восстановление прав потерпевших от его действий. Но эти нормы носили скорее точечный характер, механизм их реализации не был достаточно описан. Так, ст. 407 ГК РСФСР 1922 г. предусматривала следующее: «Учреждение отвечает за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц, лишь в случаях, особо указанных законом, если притом неправильность действий должностных лиц признана подлежащим судебным или административным органом. Учреждение освобождается от ответственности, если потерпевший не обжаловал своевременно неправильные действия. Учреждение вправе, в свою очередь, сделать начет на должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения». Как мы видим, возможность возмещения вреда, причиненного государственным органом, ограничена необходимостью принятия дополнительно особого закона, а сама ответственность возлагалась на само виновное учреждение. Процессуальный механизм реализации данного права законодательно не приведен.

Первые робкие и непоследовательные шаги в формировании института гражданской ответственности государства были сделаны после окончания Гражданской войны. Так, 21 мая 1925 г. было принято разъяснение Народного комиссариата труда РСФСР «О порядке применения п. „д“ ст. 47 КЗОТ», которое возлагало обязанность выплаты денежного вознаграждения отстраненному от работы в связи с незаконным уголовным пре-

следованием работнику на работодателя. Позднее, а именно 5 декабря 1936 г., последовал совместный Циркуляр № 109 Наркомата юстиции, Наркомата внутренних дел и Прокуратуры СССР «О возврате удержанных с осужденных к исправительно-трудовым работам отчислений в случае прекращения дела вследствие отсутствия состава преступления или недостаточности улик», закрепляющий обязанность возврата удержанных сумм в ходе отбытия наказания из заработка незаконно осужденных.

Положение о выплате двухмесячной зарплаты лицам, необоснованно привлекавшимся к уголовной ответственности, было закреплено в Постановлении Совета министров СССР от 8 сентября 1955 г. № 1655. Его неоднократное толкование в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР позволило определить сложившийся механизм реализации данного права. В частности, условиями возмещения ущерба был оправдательный приговор или прекращение уголовного дела. С требованием о выплате реабилитированный должен был обратиться к администрации предприятия, из средств которого возмещались эти суммы, а в случае отказа в выплате гражданин имел право на обращение с иском в суд.

Первые реальные предложения по формированию материального и процессуального законодательства о компенсации ущерба, причиненного несправедливым уголовным преследованием, арестом и осуждением, появились после речи Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина». В юридической литературе того времени этот процесс характеризовался как «восстановление социалистической законности» и выдвигались предложения о законодательном закреплении правила о полном возмещении имущественного вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности. Вместе с тем в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых в 1958 г., нашли отражения лишь некоторые положения института реабилитации.

Далее, 8 декабря 1961 г., были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в которых была изменена (по сравнению с прежним гражданским законодательством) и ответственность государственных учреждений за вред, причиненный действиями их должностных лиц. Статья 89 Основ гражданского законодательства установила, что за ущерб,

нанесенный неправильными служебными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и судов, эти органы несут ответственность имущественного характера в случаях и пределах, определенных специальным законом.

Обратим внимание, что в принятой редакции имелась существенная оговорка о том, что возмещение ущерба, причиненного органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, не подчинялось общим принципам гражданско-правовой ответственности, но осуществлялось в соответствии с правилами, подлежащими установлению в специальном законодательстве. Таким образом, в правовом статусе государства и его органов, как субъекта ответственности за причиненный вред, ничего не изменилось, его ответственность по-прежнему определялась правилами, установленными в специальных нормативных актах.

Необходимо отметить важную роль в развитии исследуемого правового института принятия в 1977 г. Конституции СССР, которой впервые была создана правовая основа для восстановления прав граждан, пострадавших от незаконных действий государства. Согласно ч. 3. ст. 58 Конституции СССР от 7 октября 1977 г.: «Граждане СССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей». К сожалению, провозглашенная идея государственной ответственности не получила законодательного подтверждения, в связи с чем приведенная консти-

туционная норма не имела практического подтверждения, а необходимый механизм защиты лиц, пострадавших от неправомερных действий государства, так и не был создан.

И только с принятием Конституции РФ 1993 г. правовой институт гражданской ответственности государства и процессуальные механизмы его реализации получили свое развитие. Статья 53 Основного закона страны провозгласила право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Последнее послужило основой для принятия как материально-правовых, так и процессуальных законов, обеспечивающих потерпевшим возможность получения соразмерного возмещения.

Таким образом, недостаточная эффективность и последовательность сформированных в настоящее время процессуальных механизмов реализации прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государства, объясняются относительной молодостью этого правового института, отсутствием исторической последовательности в его развитии, что обусловлено особенностями развития российской государственности.

Между тем в XX в., когда Россия в период существования советского строя искала «собственный путь развития», в странах Западной Европы достигли высокого уровня правового регулирования в области материальных и процессуальных отношений, связанных с гражданско-правовой ответственностью государства перед своими гражданами.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. Институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный виновными действиями суда, и процессуальный механизм его осуществления: вопросы истории / С.Ф. Афанасьев, Т.А. Григорьева // Администратор суда. 2013. № 4. С. 24–27.
2. Вишняков О.В. Судебная власть о возмещении вреда в сфере правосудия / О.В. Вишняков // Российский судья. 2008. № 1. С. 20–23.
3. Лазаревский Н.Н. Объяснительная записка к проекту третьей книги Устава гражданского судопроизводства / Н.Н. Лазаревский. М., 1995. М., Спарк. 1995. 672 с.

Сферы существования фикций: мировоззрение, научное познание, право

*Танимов Олег Владимирович,
доцент кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доцент кафедры информационного права,
информатики и математики
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
tanimov@mail.ru*

В статье проводится анализ использования фикций в процессе формирования научного мировоззрения, в ходе научного познания. Выявляются факты применения фикций в различных отраслях человеческой деятельности, а также в праве.

Ключевые слова: фикция, фикционализм, мировоззрение, научное познание, религия, философия, общество, право.

Spheres Where Fiction Exists: Mindset, Scientific Cognition, Law

*Tanimov Oleg V.,
Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Assistant Professor of the Department of Information Law, Computer Science and Mathematics
of the Russian State University of Justice,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes usage of fictions in the process of scientific mindset and scientific cognition establishment. The author reveals the facts of fiction application in various human activity areas as well as in the law.

Key words: fiction, fictionalism, mindset, scientific cognition, religion, philosophy, society, law.

Фикционализм как мировоззренческая основа теории фикций («Философия как-если-бы» Г. Файхингера). Мировоззрение представляет собой систему принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих как отношение к действительности, общее понимание мира, так и жизненные позиции, программы деятельности людей. Субъектом (или носителем) мировоззрения является и отдельный человек, и социальные или профессиональные группы, и этнонациональные или религиозные общности, и классы, и общество в целом. Мировоззрение отдельного индивида формируется под воздействием — спонтанным либо целенаправленным — мировоззрения общества и тех социальных общностей, в которые он входит. Вместе с тем оно всегда отличается лич-

ностным своеобразием, в котором находит свое выражение специфический жизненный опыт данного индивида¹.

Мировоззрение включает в себя такие качественно различные элементы, как знания и убеждения. Если знания представляют собой по преимуществу содержательные компоненты системы мировоззрения, то убеждения предполагают ценностно окрашенное нравственное и эмоциональное отношение и к знаниям, и к самой реальности. Мировоззрение включает не всю совокупность знаний, которыми располагает его субъект, а только определенную их часть, являющуюся наиболее значи-

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.psyoffice.ru/slovar-s296.htm>

мой для субъекта и находящуюся в глубинных пластах его познания.

Исторически первой формой мировоззрения является мифологическое мировоззрение, характерное для доклассовых и раннеклассовых обществ. Миф был не только повествованием о происхождении и судьбах мира и всего того, что окружало человека, но и обоснованием и оправданием существующего образа жизни людей (их взаимоотношений, обычаев и т. д.), регулятором их поведения. В нем находили выражение и нравственные, и эстетические воззрения людей.

Особая мировоззренческая нагрузка ложится на религию и философию. Религия в большей мере обращается к *эмоциональной стороне* человеческого существования и основывается, прежде всего, на вере в те или иные положения. Философия же в конкретных исторических обстоятельствах может использоваться и для обоснования религиозного мировоззрения (так, средневековая философия во многом решала задачи обоснования христианского вероучения²).

В состав мировоззрения входят нравственные принципы и нормы, регулирующие взаимоотношения и поведение людей, а также эстетические воззрения. В древние и Средние века основу мировоззрения составляли мифы и религиозные воззрения людей, но по мере возрастания и развития интеллекта (начиная с XVII в.) существенное значение в формировании мировоззрения приобретают наука и развитая философия. Ряд авторов считают философию наукой³, но часть ученых склоняется к мнению о том, что философия — научное мировоззрение⁴. Мы не будем углубляться в сложные размышления на эту тему, но рассмотрим роль фикций в формировании мировоззренческих основ отношения к действительности и общем понимании мира.

Фикция представляет собой положение, которое уже с момента своего закрепления лишено истинности. В словаре иностранных слов фикция (лат. *factio*) определяется как: 1) выдумка, вымысел; 2) прием, заключающийся в том, что действительность подводится под какую-либо условную формулу (напр., юридическая фикция)⁵.

Сегодня существует несколько различных аспектов понимания фикции. Известно *научное (философское)* понимание этого феномена: *правовое, экономическое, политическое, бытовое (обыденное)* и пр. Чаще всего, к сожалению, фикцию рассматривают в бытовом или общем значении, под которым понимается самый банальный обман. Это аксиома! Если задать вопрос: «Что такое фикция?», то 99 человек из 100 ответят, что это ложь, неправда, обман, дезинформация и пр. В то же время мы не задумываемся о том, что существуют и другие (полезные) грани или значения этого понятия, без которых невозможно существование права и государства в целом.

Большинство индивидов понимают под фикцией какой-либо обман и не видят ее позитивного, полезного качества, что, на наш взгляд, связано с отсутствием определенной просвещенности в этой области.

В XX столетии проблема фикций была одной из весьма насущных в философии проблем, очень быстро оформившаяся в целое философское течение, солидарность с которым засвидетельствовали крупнейшие представители философии и науки.

Увидеть в фикциях нечто большее, чем просто особые казусы, вольно или невольно возникающие в движении к истинному знанию, впервые попытался Ганс Файхингер, и не только попытался, но и сформулировал гносеологическую теорию, придающую фикциям положительное значение. Фикции — сознательно-ложные понятия и представления, утверждал он, то есть такие понятийные предпосылки познания, которые не являются отрицательным побочным результатом исследования, а, наоборот, сознательно констатируемыми и применяемыми его средствами. Мотивом или аргументом, побуждающим нас к этому, является *практическая полезность фикций*, создающая положительный эффект в момент достижения искомого результата.

Полезность фикций в познании требует выработать по отношению к ним не отрицательную позицию, а скорее нечто похожее

² Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники : учебное пособие . Орёл : ОГУ, 2010. 289 с.

³ Баренбойм П.Д. Библейское начало философии права // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 9–17 ; Омаров Б.М. Структура религиозного сознания в философском учении Г. Гегеля // Общество и право. 2011. № 3. С. 306–310 ; и др.

⁴ Селиванов А.И. Введение в российскую философию государства и права // История государства и права. 2010. № 17. С. 8–15 ; Сухарев А.П. Джордано Бруно о непознаваемости вселенной. Казнен за убеждения // История государства и права. 2012. № 23. С. 5–9 ; Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М. : Статут, 2013. 347 с. ; и др.

⁵ Современный словарь иностранных слов. М., 1999. С. 647.

на гносеологический прагматизм, вводящий их в арсенал допустимого познавательного инструментария. Простой обзор ситуаций, когда мы вынуждены прибегать к фикциям, показывает, что они столь часты, попросту регулярны, что не позволяют истолковать их как нечто случайное, которое может быть заменено «правильным» процессом получения верного знания. Фикции — непрременная, обязательная принадлежность науки, они не могут быть устранены ибо их природа связана с самой сущностью умственной деятельности человека, с его ситуацией в мире. Поэтому они только и могут быть рассматриваемы в положительном смысле⁶.

В гносеологическом аспекте существо проблемы состоит не в устранении фикций, подобно исключению «мнимых проблем» из философии и науки, занимавшей неопозитивизм, а в том, чтобы объяснить, «как происходит, что мы с помощью сознательно-ложных представлений достигаем верного результата?». К такому суждению приходит Файхингер и кладет его в основание своего учения, которому он дал именование «Философия как-если-бы».

Познавательная схема представляется Файхингеру как движение от сознательно-ложных предпосылок к верным заключениям: «...имеются представления, которые с теоретической точки зрения признаются ложными, но могут быть оправданы своей „практической правильностью“, поскольку способны оказать определенную услугу» в обретении нового знания⁷.

Иными словами, в главном сочинении «Философия как-если-бы» (изд. в 1911, 1927 гг.) Файхингер дал последовательное субъективно-идеалистическое истолкование философии Канта, предлагавшего пользоваться основными мировоззренческими идеями (душа, мир, бог) «как-если-бы их объекты были реальны»⁸. Считая научные и философские понятия («атом», «бесконечно-малое», «абсолют», «бог» и др.) фикциями, которые не имеют теоретической ценности, но практически (и «биологически») важны (концепция *фикционализма*, или «критического по-

зитивизма»), Файхингер пришел к выводам о невозможности познания действительности, как она есть «на самом деле», и к признанию ощущений конечной доступной познанию данностью⁹.

Публикация в 1911 г. указанного сочинения Файхингера и кладет начало существованию *фикционализма* (фикционизма)¹⁰ как особого течения европейской мысли. Оно весьма интенсивно заявляло о себе на протяжении почти двух десятилетий и, видимо, как самостоятельная философская программа себя быстро исчерпало. Но исчезновение фикционализма как самостоятельной философской формы едва ли может быть воспринято в качестве краха его программы. Скорее всего, она изменила свою радикальную формулировку и была в своих отдельных частях, положениях и смыслах ассимилирована иными, более соответствующими научной стилистике XX в. философскими школами. Из них мы укажем на неопозитивизм, который — факт, слабо выявленный и еще менее внимательно изученный, — в своем генезисе непосредственно связан и историей, и судьбой фикционализма¹¹.

В процессе использования основ фикционализма и с их помощью человечество, само того не осознавая, решало многие проблемы как до Файхингера, так и после него¹². И философское учение Файхингера является как бы необходимым продолжением глобального течения мировой научной мысли. Очевидно, что философия Г. Файхингера призвана оказать реальную помощь науке путем применения технических уловок, лежащих в основе данного учения, несмотря на то, что как любое новое учение своего времени подвергалось критике консервативных авторов.

⁶ Солонин Ю.Н. К проблеме европейского пессимизма как явления философии и культуры // Метафизические исследования : альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. 1997. № 4. С. 9–27.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Кант И. Собрание сочинений. М., 1964. Т. 3. С. 571–572.

⁹ Философский энциклопедический словарь / редкол. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, А.Ф. Ильичёв и др. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 681 ; Бакрадзе К.С. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960. 530 с.

¹⁰ О фикционализме также см.: Танимов О.В. К вопросу о теории фикционализма: философия «как если бы» Г. Файхингера и его последователи // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 3 (7). С. 17–25 ; Его же. Фикционализм как мировоззренческий императив теории фикций: теоретико-культурологические основы // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия (Саранск). 2014. № 2 (30). С. 231–236.

¹¹ Солонин Ю.Н. Указ. соч. С. 14.

¹² Сегодня российский законодатель активно применяет фикции, также не осознавая этого.

Таким образом, оформившийся в целом философское течение фикционализм, привлекавший внимание видных деятелей XIX–XX столетий, присвоенный в качестве имени воззрениям Файхингера и его последователей, был введен в употребление критиками и рецепторами этого учения из околофилософской среды. Сам же он предпочитал, как сказано ранее, именовать свое учение «философией как-если-бы», или более неопределенно — «как-если-бы установкой» (*Als-Ob Betrachtung*)¹³. Для Файхингера открытое им учение о фикциях представлялось как широкое основание для критического пересмотра и перетолкования всей конструкции культуры и создания нового понимания ее сущности, таким образом, существовал культурно-философский смысл. Публичное восприятие «философии фикционализма» лишь отчасти соответствовало авторским ожиданиям: действительно возникло довольно мощное движение по пересмотру теоретических оснований и концептуального каркаса основных фрагментов культуры: морали, религии, искусства, науки. К сожалению, история фикционалистского движения еще не написана, чем искажается историко-философская ретроспектива не только XX в., но также история отдельных философских течений, например неопозитивизма.

Необходимо отметить, что *философское учение Г. Файхингера является необходимым и глубоким осмыслением фикций. Эволюция фикционализма позволит оказать реальную помощь правовой науке в исследовании такого сложного социального явления, как являются юридические фикции.*

Использование фикций в научном познании. Характер научного мировоззрения сложный: с одной стороны, в него входят общие положения, связанные с научным представлением о каком-либо событии или предмете исследования, с другой — отрицания, вызванные необходимостью очистить мировоззрение от положений, достигнутых человеком иным путем и противоречащих научным данным. Даже до настоящего времени многие события и явления с научной точки зрения объяснить невозможно. Поэтому когда-то Н. Коперник учил, что Солнце не движется, И. Кеплер и Г. Галилей вводили в научное мировоззрение отрицание небесных сфер, не имея возможности предоставить четкие доказательства своих утверждений и условно принимая их за истину. Так воз-

ник **фикционализм** (от лат. *factio* — выдумка, вымысел) — субъективно-идеалистическая философская концепция, считающая человеческое познание системой фикций, практически оправданных, но не имеющих объективного теоретического значения¹⁴. «Можно с определенной долей истины сказать, что фикция образует жизненный элемент феноменологии, что фикция есть источник, из которого познание вечных истин извлекает свою пищу»¹⁵, — подчеркивает выдающийся немецкий философ XX в. Теодор В. Адорно.

Значение фикции — нечто не существующее в действительности, выдуманное. История науки знает ряд ярких примеров использования фикции. Самая наглядная фикции была в эпициклах Птолемея, который, не имея подтверждения знания того, что Земля вращается вокруг Солнца, смог разработать теоретическую схему движения Солнца и видимых планет, которая работала более 1300 лет, помогая землянам определять будущее расположение этих светил на ночном небе с большой точностью. То есть, не зная природы Солнечной системы, можно было создать теорию¹⁶.

Так или иначе применение фикций можно отнести к разряду фундаментальных проблем науки и практики. Мы не ставим перед собой задачу изложить и проанализировать все множество фикций в науке, ограничимся рассмотрением наиболее интересных.

В свое время Св. Августин отмечал: «Время — река, полная событий. Ее течение уносит вперед. Стоит только чему-нибудь появиться, как его уже нет». Следует заметить, что течение времени неравномерно, зависит от состояния движения наблюдателя. Ньютон говорит, что время движется равномерно от одного мгновения к другому. Однако такое воззрение было подвергнуто сомнению. Так, Лейбниц считал, что время — язык, который позволяет связать друг с другом разные события. В мире без изменений, т. е. без событий, не будет и времени.

Вышеприведенные примеры сегодня не имеют особой теоретической ценности, но практически и «биологически» важны. Они, на наш взгляд, подтверждают существование фиктивного в физике. Фиктивный характер

¹⁴ Философский энциклопедический словарь... С. 694.

¹⁵ Adorno T. Zur Metakritik der Erkenntnistheorie. Studien über Husserl und die phänomenologischen Antinomien. Stuttgart, 1956. S. 207.

¹⁶ Рыков А.В. Физические фикции // Известия науки. 2011. 17 февр.

¹³ Солонин Ю.Н. Указ. соч. С. 15.

состоит в том, что допускается условность при отождествлении таких неравнозначных понятий, как «время» и «река», «время» и «язык», при определении движения времени от одного мгновения к другому. Еще Х. Файхингер пришел к выводу о невозможности познания действительности, как она есть «на самом деле», что находит подтверждение и в физике. Фикции употребляются в науке как вспомогательное средство для исследования и изложения материала. Посредством применения данных фикций реализуется потребность подчинения человеческого общества определенным нормам, устанавливающим в нем внутренний порядок. Учеными делается оговорка относительно того, что в действительности следует понимать под таким «инструментом». Следовательно, если воссоединить все сказанное, то получается крайне парадоксальная картина, в которой скорость света, само время, пространство, энергия, материя выражены посредством таких конструкций, как фикции.

Неизбежность существования в научном мировоззрении фикций придает ему меняющийся со временем отпечаток. Вопросы о фикциях, их обсуждение и оценка играют в научном мировоззрении важнейшую роль. Дело в том, что фикции нередко получают форму задач и вопросов, тесно связанных с духом времени. Человеческий ум неуклонно стремился получить на них определенный и ясный ответ. Поиск ответа на такие вопросы, нередко возникающие на почве религиозного созерцания, философского мышления, художественного вдохновения или общественной жизни, иногда служит живительным источником научной работы для целых поколений ученых.

При ближайшем изучении истории математики до середины XVIII столетия легко убедиться в плодотворном значении вопроса о квадратуре круга для достижения научных истин. К решению этой задачи стремились тысячи ученых и мыслителей, попутно сделавших при этом ряд величайших открытий. В этом стремлении в конце концов они пришли к созданию новых разделов математики, и затем, уже в XIX столетии, их работы привели к доказательству недостижимости той задачи, к которой неуклонно стремились на протяжении столетий. В истории механики аналогичную роль сыграло *perpetuum mobile*, в химии — стремление к философскому камню, в астрологии — влияние расположения небесных тел на характер и поведение человека, в физиологии — искание эликсира вечной

молодости. Такие крупные, масштабные задачи составляют основу всякого научного мировоззрения и, несомненно, в значительной степени формируют наше современное мировоззрение. Для человека неведомое, сфера которого безгранична, приобретает большее значение, чем неполное, поверхностное, и по сути фиктивное, знание, удовлетворяющее лишь известные практические цели. Фикция как форма познания, конечно, в таком смысле выходила за пределы ее культурно-философского значения. Но, несмотря на это, подобный поворот в дискуссии был в полном соответствии с общим гносеологизмом, господствовавшим в европейской философии первой половины XX в.

Кроме того, в науке в последние годы вновь происходит осмысление известных, вполне устоявшихся понятий и категорий, а также выявление нетрадиционных подходов в исследовании различных базовых и отраслевых аспектов той или иной научной сферы. В период научных исканий актуализируются и обретают современное звучание прежние (забытые или невостребованные) достижения; любое исследование может «вписаться» в контекст развития науки только в том случае, если в ходе рассмотрения научных проблем не остаются без внимания острые, спорные и неоднозначно воспринимаемые научные идеи. Одна из них, привлекающая в последние годы достаточно серьезное внимание ученых, — дискуссия о фактах и фикциях в истории, породившая ряд спорных и конфликтных ситуаций в научном обществе¹⁷.

Одной из самых сложных современных проблем философии научного познания является анализ адекватности и плюрализма научного знания с целью выяснения особенностей его отношения к объективному миру, совместимость многообразия, альтернативности научного познания и соглашений при выборе альтернативы в познании с его истинностью и достоверностью. Достаточно сложно, исходя из статуса истинности как одного из видов (аспектов) адекватности знания, выявить природу реальностей и фикций (вымыслов) в истории и современном состоянии научного познания¹⁸.

¹⁷ См. подр.: Экслер О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. Вып. 7. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

¹⁸ См. подр.: Будко В.В. Атрибуты, реальности и фикции науки. Харьков: БУРУН и К, 2008. 304 с.

По классическому определению **наука** — это сфера человеческой деятельности, функциями которой являются выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Но и эти знания обладают часто высокой степенью фиктивности. Например, фиктивность теоретических построений современных космологических моделей. Уже одно множество их взаимоисключающих вариантов свидетельствует о невозможности их одновременной истинности. Более того, никто не знает достоверно, какая же реальность на самом деле скрывается за математическими символами и уравнениями.

Подводя итог началу моих размышлений, можно утверждать, что *фикция является одним из приемов (способов, средств) научного познания*, вследствие использования которого человечество не только шагнуло вперед, но и продолжает прогрессировать в своем развитии, применяя такой инструмент, как фикция.

Инструментальность фикции, ее теоретико-прикладное значение в сфере научного познания и мировоззрения приобретают все большую актуальность и значимость. Возможность **совершенствовать общественные отношения — вот та цель, проводником которой и служит фикция.**

Хотелось бы подчеркнуть, что невозможно в рамках одной научной темы рассмотреть все грани такого феноменального явления, как фикция, всевозможные аспекты ее участия в процессе миропонимания, но позволим себе в некоторой степени прояснить ситуацию, предложив следующее определение.

Фикция, как концептуальный феномен гносеологии, представляет собой инструмент научного познания, носящий нематериальный характер, посредством которого действительность, существованию которой нельзя дать объективное теоретическое обоснование, подводится под какую-либо условную формулу с целью получения новых знаний об окружающем мире и протекающих в нем процессах.

Фикции в праве (общие сведения). Проблема фиктивности (как негативной, так и позитивной) в праве имеет множество аспектов. Осмысление закономерностей проявления фиктивного на всех рассматриваемых уровнях позволяет глубже познать закономерности самого права — от возникновения правовых идей к возможностям выявления дефектности некоторых правовых явлений (в том числе правовых норм). Проявления

фиктивного на разных уровнях юридического бытия тесно взаимосвязаны и существенно влияют друг на друга.

Юридическая фикция является уникальным правовым явлением, потому что призвана превратить несуществующее положение в существующее, и наоборот, иногда проявляясь, при этом посредством различных форм философского мировоззрения. Наиболее типичным здесь будет антропоморфизм, суть которого, как одна из форм философского мировоззрения, состоит в уподоблении человеку, наделении человеческими, психическими свойствами предметов и явлений неживой природы, животных, небесных тел, мифических существ и т. д.¹⁹ Антропоморфизм находит распространение через фикции и в юриспруденции. Так, к примеру, в истории известны случаи, когда ответственность несли не только отдельные индивиды, но и сообщества (например, община), животные и даже предметы. В древности и Средневековье были нередки процессы над животными. В Греции по закону Солона наказанию подвергались животные. В 1405 г. во Франции к повешению был приговорен бык (забодал человека). Последняя смертная казнь животных совершена в Словении в 1864 г. К ссылке приговаривались предметы (камень, свалившийся на голову; колокол, призывавший к бунту, и т. д.)²⁰. Кроме того, существующие теории происхождения государства подтверждают это (органическая, патриархальная и др.).

Правовые фикции достаточно давно являются предметом исследований для юристов. Они анализировались еще в древнеримской юриспруденции, так как широко применялись римскими преторами.

В России одним из первых исследователей фиктивного явления в праве был Д.И. Мейер. Он говорил о правовой фикции как о «вымысле в праве» и относил ее к «уклонениям от нормального порядка».

Другим русским исследователем был Г.Ф. Дормидонтов. В своей работе «Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций» он произвел широкий анализ произведений как отечественной, так и зарубежной правовой науки, посвященных фиктивности в праве.

¹⁹ Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М., 1999. С. 33.

²⁰ Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. С. 314.

В советский период юридическая фикция рассматривалась только как прием законодательной техники, присущий в основном буржуазному праву.

В современной правовой действительности фикция, как универсальный прием законодательной техники, имеет свое назначение во всех отраслях права, поскольку существует и ряд типичных случаев ее применения. Об этом подробнее речь шла ранее²¹. Однако практически в каждой отрасли права у юридической фикции есть и свои общее предназначение и цель. В качестве примера можно привести следующие отрасли права:

— в трудовом праве юридические фикции используются только в исключительных случаях, когда не имеется реальной возможности достичь необходимого результата в сфере правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений при помощи других приемов юридической техники;

— в семейном праве юридические фикции применяются по соображениям гуманности в наиболее деликатных ситуациях²²;

— специфика использования фикций в уголовном праве заключается в том, что они служат средством воплощения политики законодателя, где определяющим моментом использования фикций будет необходимость соблюдения справедливости.

Для правового развития России на современном этапе характерны противоречивые тенденции. С одной стороны, политические и экономические преобразования в обществе привели к бурному разрастанию правового массива, с другой — накопление нормативно-правового материала сопровождается ухудшением его качества и ослаблением эффективности действия законов²³. Упомянув по этому поводу «о теневых сторонах преобразований», А.Я. Сухарев отмечает, что из просчетов необходимо извлечь уроки для того,

чтобы «правовой нормативизм не заслонил реалии жизни людей»²⁴.

Поэтому теоретические исследования законодательства, связанные с поиском путей его совершенствования, по-прежнему имеют особую актуальность.

Постоянное развитие общественных отношений и специфика процесса правового регулирования ведут к тому, что право никогда не может абсолютно точно отражать их состояние. Следовательно, многие правовые нормы, начиная действовать, уже не перенимают со всей точностью, во всех деталях состояние регулируемых ими общественных отношений, и намечающиеся между ними противоречия таят в себе необходимость применения фикций.

Поэтому и законодатель, и правоприменитель пытаются придать адекватность процессу регулирования общественных отношений. Так, 28 марта 2013 г. Верховный Суд РФ подготовил рекомендации по делам об «откатах». Их могут *трактовать* как взятку или растрату в зависимости от того, была ли завышена цена сделки, т. е. суть фикции в данном случае в том, что откаты приравнивали к взятке и растрате.

Кроме того, пиратские сайты могут *приравнять* к порнографии. В реестр запрещенных сайтов, куда сейчас во внесудебном порядке вносятся ресурсы с детским порно, пропагандой наркотиков и самоубийств, следует вносить и сайты с пиратским контентом. Такое мнение высказал председатель Координационного совета по защите интеллектуальной собственности Е. Севастьянов на совещании в Минкультуры, где обсуждался законопроект о противодействии пиратству в интернете²⁵.

Представляется, что в современных условиях научное исследование проблемы, определение роли фикций в праве имеют принципиальное значение.

Отставание правового регулирования от развития общественных отношений требует новых подходов в решении обозначенной проблемы. Этим также объясняется актуальность темы данного исследования.

Фикции используются в различных отношениях между людьми с древних времен,

²¹ Танимов О.В. Система юридических фикций в современном российском праве // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 1. С. 13–16 ; Теория юридических фикций : монография. М. : Проспект, 2016. 224 с.

²² Саркисян А.Р. Юридические фикции в правоприменительной практике // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 459.

²³ Милушин М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 1.

²⁴ Сухарев А.Я. Права человека и правозащитная деятельность государства // Права человека в России и правозащитная деятельность государства : материалы Всероссийской научно-практической конференции : сб. науч. ст. / под ред. В.Н. Лопатина. СПб., 2003. С. 9.

²⁵ Ведомости. 2013. 11 апр.

войдя настолько плотно в человеческую жизнедеятельность, что мало кто задумывается и оценивает то или иное явление как фикцию (деньги, элементы религии, права и т. д.).

Проблема фикций в праве в последние годы стала активно исследоваться и обсуждаться, что указывает на ее существенную значимость для юридической науки и практики.

Малоизученность данной темы была обусловлена советской правовой идеологией, представляющей советское право идеально истинным и справедливым, в котором не было места фикциям в любом смысле, в отличие от права буржуазного. Несмотря на это, *фикции все же применялись и в советском праве* (усыновление, юридические лица, объявление лица умершим и пр.). Отдельные научные исследования стали появляться во второй половине прошлого века. Именно тогда были опубликованы работы, в которых впервые речь зашла о фикциях, но только в контексте разграничения их от смежных категорий²⁶; презумпций, символов, аксиом и др. В этих работах каждый из названных авторов впервые высказался по отдельным вопросам проблемы правовых фикций. Речь о какой-либо целостной теории тогда идти не могла.

Необходимо отметить, что проблема юридических фикций стала привлекать внимание советских и российских ученых лишь в последние десятилетия. Наибольшее внимание уделяется вопросу понятия и классификации фикций в праве. В связи с этим в юридической литературе появилось многообразие подходов к понятию и систематизированию фикций.

В последнее время достаточно большое количество работ, посвященных фикциям в праве и юридической науке, появляется в печати²⁷. Что говорит, с одной стороны, об ак-

туальности, а с другой — недостаточной изученности такого феномена, как фикция.

Выработка концептуальных подходов к пониманию необходимости использования фикций в праве затрагивает теоретические основы права. Без исследования данного аспекта право не вполне отвечает потребностям общества в связи с его неопределенными возможностями по отношению к указанным общественным отношениям. На практике все более широкое распространение получает концепция необходимости применения фикций в научной правовой сфере. Очевидно, необходимы научные исследования, которые позволят найти убедительные аргументы «за» для принятия данной концепции, что, в свою очередь, позволит усовершенствовать действующее законодательство, избежать проблемных ситуаций и устранить пробелы в праве.

Право регулирует различные виды общественных отношений в самых разнообразных направлениях деятельности человека. И если в этих сферах имеют место фиктивно опосредованные элементы, то оно (право), в свою очередь, соответственно, также применяет фикции для регулирования данных существующих отношений.

Таким образом, как видно из проведенного выше анализа, *фикция применяется во многих сферах человеческого бытия. Она присуща науке, искусству, культуре, и пр., то есть практически всем общественным отношениям, в которых участвует как отдельный индивид, так и человеческое общество в целом.*

о злоупотреблении правом): монография. М.: Волтерс Клувер, 2011. 940 с.; Ильина Е.В. Особенности конституционно-правовых фикций // Современные научные исследования и инновации. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1758> (дата обращения: 22.08.2017); Смирнов В.И. Об одной юридической фикции в четвертой части ГК РФ // Патенты и лицензии. 2009. № 7. С. 2–8; Баршова О.А., Танимов О.В. Юридические фикции в древних источниках права (историко-теоретический аспект) // История государства и права. 2011. № 13. С. 25–28.; и др.

²⁶ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.; Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. 132 с.; и др.

²⁷ Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел

Литература

1. Adorno T. Zur Metakritik der Erkenntnistheorie. Studien über Husserl und die phänomenologischen Antinomien / T. Adorno. Stuttgart, 1956.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. Горький, 1974. 124 с.
3. Бакрадзе К.С. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии / К.С. Бакрадзе. Тбилиси, 1960. 530 с.
4. Баренбойм П.Д. Библейское начало философии права / П.Д. Баренбойм // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 9–17.

5. Баршова О.А. Юридические фикции в древних источниках права (историко-теоретический аспект) / О.А. Баршова, О.В. Танимов // История государства и права. 2011. № 13. С. 25–27.
6. Будко В.В. Атрибуты, реальности и фикции науки / В.В. Будко. Харьков : БУРУН и К, 2008. 304 с.
7. Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) : монография / А.В. Волков. М. : Волтерс Клувер, 2011. 940 с.
8. Губский Е.Ф. Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М. : ИНФРА-М., 1999. 576 с.
9. Ильина Е.В. Особенности конституционно-правовых фикций / Е.В. Ильина // Современные научные исследования и инновации. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1758> (дата обращения: 22.08.2017).
10. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В.И. Каминская. М.; Л. : Издательство АН СССР, 1948. 132 с.
11. Милушин М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.И. Милушин. М., 2003. 16 с.
12. Некрасов С.И. Философия науки и техники : учебное пособие / С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. Орёл : ОГУ, 2010. 289 с.
13. Омаров Б.М. Структура религиозного сознания в философском учении Г. Гегеля / Б.М. Омаров // Общество и право. 2011. № 3. С. 306–310.
14. Рыков А.В. Физические фикции / А.В. Рыков // Известия науки. 2011. 17 февр.
15. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в правоприменительной практике / Л.Р. Саркисян // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 454–462.
16. Селиванов А.И. Введение в российскую философию государства и права / А.И. Селиванов // История государства и права. 2010. № 17. С. 8–15.
17. Смирнов В.И. Об одной юридической фикции в четвертой части ГК РФ / В.И. Смирнов // Патенты и лицензии. 2009. № 7 С. 2–8.
18. Современный словарь иностранных слов. М., 1999. 740 с.
19. Солонин Ю.Н. К проблеме европейского пессимизма как явления философии и культуры / Ю.Н. Солонин // Метафизические исследования : альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. 1997. № 4. С. 9–26.
20. Сухарев А.П. Джордано Бруно о непознаваемости вселенной. Казнен за убеждения / А.П. Сухарев // История государства и права. 2012. № 23. С. 5–9.
21. Сухарев А.Я. Права человека и правозащитная деятельность государства / А.Я. Сухарев // Права человека в России и правозащитная деятельность государства : материалы Всероссийской научно-практической конференции : сб. науч. ст. / под ред. В.Н. Лопатина. СПб., 2003. С. 7–12.
22. Танимов О.В. К вопросу о теории фикционализма: философия «как если бы» Г. Файхингера и его последователи / О.В. Танимов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 3 (7). С. 17–25.
23. Танимов О.В. Система юридических фикций в современном российском праве / О.В. Танимов // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 1. С. 13–16.
24. Танимов О.В. Теория юридических фикций : монография / О.В. Танимов. М. : Проспект, 2016. 224 с.
25. Танимов О.В. Фикционализм как мировоззренческий императив теории фикций: теоретико-культурологические основы / О.В. Танимов // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия (Саранск). 2014. № 2 (30). С. 231–236.
26. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2013. 350 с.
27. Философский энциклопедический словарь / редкол. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф.Ильичёв и др. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
28. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1989 [Электронный ресурс] // URL : <https://www.psyoffice.ru/slovar-s296.htm>
29. Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. М. : Юрайт-М, 2002. 432 с.
30. Эксле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки / О.Г. Эксле // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории ; под ред. Л.П. Репиной. Вып. 7. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

Почему диктатура пролетариата, а не демократическая республика?

*Дубровин Юрий Дмитриевич,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
uridubr@yandex.ru*

В статье рассматриваются попытки создания новой государственности в России в форме демократии или диктатуры пролетариата в период с марта по октябрь 1917 г.

Ключевые слова: *Россия, Февральская революция 1917 г., Временное правительство, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, Всероссийское учредительное собрание, демократия, диктатура пролетариата.*

Why Dictatorship of the Proletariat Rather Than Democratic Republic?

*Dubrovin Yuriy D.,
Assistant Professor of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Legal Sciences*

The current problems of attempts to create in Russia in the period March — October 1917 are considered. New statehood in the form of democracy or the dictatorship of the proletariat.

Key words: *Russia, February revolution of 1917, Provisional Government, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, All-Russian Constituent Assembly, democracy, dictatorship of the proletariat.*

2 (15) марта 1917 г. Николаю II «Императору и самодержцу Российскому» пришлось подписать свой Манифест, в котором он «признал за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть». Последний государственный документ поставил точку в трехсотлетней истории российского самодержавного государства. Отречение императора Николая II от престола стало одним из ключевых событий Российской Февральской демократической революции 1917 г. и истории России XX в. в целом. При этом Российская Февральская демократическая революция 1917 г., в отличие от английской или французской революций, прошла почти бескровно. И это говорит о многом. И в первую очередь о недееспособности российской монархии управлять государственным механизмом и о том, что демократизация государственного строя России глубоко проникла в российское общество.

С отречением Николая II рухнула вся российская самодержавная государственная система. И перед российским обществом встала задача воссоздать российское государство, но

уже в новой государственной форме. Это понимали практически все. Но в какой форме? Это могла быть конституционная (ограниченная) монархия, что соответствовало содержанию манифеста брата царя Михаила, который ставил условие возрождения российской государственности через Учредительное собрание. А пока на данный момент Россия не имела даже законного правительства, то есть механизма исполнительной власти.

Еще до своего отречения Николай II, будучи не в ладах с Государственной Думой, 25 февраля (10 марта), издает указ правительствующему Сенату о приостановлении деятельности Госдумы. Однако депутаты (за исключением правых партий) решили, формально подчинившись указу о роспуске, обратиться под видом «частного совещания». Частное совещание членов Думы поручило Совету старейшин выбрать Временный комитет членов Думы и определить дальнейшую роль Госдумы в начавшихся событиях

Как писал позднее П.Н. Милюков, «вмешательство Государственной Думы дало

уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»¹.

Днем 27 февраля (12 марта) на заседании Совета старейшин был сформирован орган власти — Временный комитет Госдумы («Комитет членов Госдумы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями»), который возглавил Председатель Госдумы октябрист М.В. Родзянко. В состав Временного комитета вошли представители партий, объединенных в «Прогрессивном блоке», и левых партий, а также президиума Госдумы. К вечеру 27 февраля (12 марта) ВКГД назначил министров первого общественного кабинета министров. Всего во Временное правительство вошло 12 министров из 16 мест. Таким образом, в революционной России возникло новое демократическое правительство. И поскольку в стране не стало законодательной и исполнительной властей, Временное правительство взяло эти функции на себя.

Одной из проблем послереволюционной России являлось определение формы правления и политического режима в России. В России могла сохраниться монархия, но уже в форме парламентской или конституционной, но не самодержавной. Об этом свидетельствовал первый состав Временного правительства, в который были введены депутаты от таких партий, как кадеты, октябристы, сторонники ограниченной монархии.

Если на первом этапе речь шла о республиканской форме правления при сохраняющейся возможности реставрации монархии в конституционной форме и с сильной исполнительной властью, то позднее политический режим начал склоняться в сторону президентской республики и бонапартизма. Тем не менее Временное правительство обходило молчанием вопрос о форме правления и неоднократно переносило сроки созыва Учредительного собрания.

Однако созданное Госдумой Временное правительство не обладало полнотой фактической власти. При этом Временному правительству приходилось считать уже не с царем и его правительством, а с совершенно новым политическим фактором — Петроградским Советом рабочих и солдатских депута-

тов. И это при том, что стихийно созданный Петроградский совет и его Исполнительный комитет, формально объединяя и направляя деятельность местных советов, однако не представляли собой легитимного высшего представительного органа.

Но чтобы не обострять ситуацию в связи с тем, что в Исполком Петросовета входили и некоторые депутаты Госдумы, а также члены Временного правительства, например А.Ф. Керенский, занимавший должность товарища (заместителя) председателя Петросовета, Временное правительство согласилось провести 2 (15) марта совместное заседание. На заседании обсуждался проект декларации о составе Временного правительства и задачах, которые стоят перед ним. В первую очередь правительство предполагало приступить «к более прочному устройству исполнительной власти», а также немедленно готовить созыв Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны, то есть преобразовать Учредительное собрание в конституанту.

Документ в целом был одобрен Исполкомом Петросовета. Таким образом, надо отметить, что проект декларации был составлен двумя политическими организациями, то есть Временным правительством и Петросоветом, которые в данном случае выступили единым фронтом. Тем самым Петросовет одобрил политический курс Временной исполнительной власти России. И заверил правительство в содействии и сочувствии столичных войск и населения в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

В свою очередь, Временное правительство выразило уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием².

В момент составления декларации ее авторы, как члены Петросовета, так и члены Временного правительства, предполагали, что государственным строем России вплоть до Учредительного собрания будет конституционная монархия.

В результате Временное правительство приняло ряд условий Исполкома, которые вошли в Программу будущего правительства,

¹ Милюков П.Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля — 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / сост., послеслов., примеч. С.М. Исхакова. М.: Книга, 1991.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 2 (47). С. 1. Приводится по изданию: Революционное движение в России после свержения самодержавия / отв. ред. А.С. Гапоненко. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 424–426.

в том числе начать подготовку к выборам в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Таким образом, несмотря на продолжающуюся в стране войну и сложную политическую и экономическую обстановку, Временное правительство поставило перед собой и обществом проблему построения нового российского демократического государства. И казалось, что это возможно.

Однако исторический процесс на отрезке марта — октября 1917 г. пошел не тем путем, каким представляли себе тогдашние руководители, вставшие у государственного руля страны. Заставить Николая II отречься от престола — был только первый шаг на пути формирования в России демократического общества и государства. Но при этом нельзя было деморализовывать Государственную Думу. Тем более что царь сложил свои полномочия. Наоборот, Госдума должна была объявить себя верховной властью российского демократического государства, как это сделала палата общин английского парламента во время английской революции XVII в. И только от имени Государственной Думы должна была быть принята Декларация о правах человека и гражданина. Также Дума должна была создать думскую комиссию по подготовке проекта Конституции российского демократического государства, то есть выполнить функции Конституанты. В этом случае не было бы необходимости в созыве Учредительного собрания.

Об отношении радикалов к Учредительному собранию очень хорошо сказано в воспоминаниях Н.И. Бухарина: «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе... Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредилки и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и все смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слез. Хохотал»³.

Попытка левых 4 июля 1917 г. захватить власть как раз давала Временному правительству возможность обвинить их, как ни странно, в контрреволюции и ограничить политическую деятельность их организаций и руководителей. Однако и это не было сделано, что и привело к октябрьским событиям, а затем и ликвидации Учредительного собрания.

Дума должна была сформировать правительство, ответственное перед Думой, как органом исполнительной власти.

Начать перестройку старого аппарата исполнительной власти и, прежде всего, демократизировать армию. Превратить армию в защитницу демократического государства. Предоставить всем российским гражданам право занимать воинские должности и получать воинские звания не от сословного состояния, а от личных способностей. Воспользоваться примером Великой Французской революцией и провести так называемую амальгаму, то есть соединение регулярных войск с добровольческими частями⁴.

Кроме того, поскольку подавляющее количество нижних чинов формировалось из крестьянского сословия, в большинстве не обладавшего земельными наделами, демократизация армии могла произойти не приказом № 1, а только через передачу земли в товарно-денежный оборот.

Временному правительству необходимо было принять для рабочих ряд нормативных актов в социальной сфере, в первую очередь акт о 8-часовом рабочем дне, об охране труда и т. д.

Петросовет необходимо было рассматривать не как политическую, а как общественную организацию.

Ну а если рассматривать события марта — октября 1917 г. в контексте готовности российского общества к перестройке старого государственного строя, то можно уверенно сказать, что Россия была готова к этой перестройке. Но какой политической формы? Дворянство, естественно, было за монархию, хотя бы даже и конституционную. Интеллигенция, соответственно, была за демократию и республику, но она была немногочисленна.

Основное население России составляли крестьянство, казачество и рабочие. На начало XX в. в 49 губерниях европейской России имелось 107 815 сельских обществ, объединявших 232 907 селений. На общество в среднем приходилось 95 крестьянских дворов и 302 крестьянина мужского пола⁵. Бытие крестьян проходило в совместном проживании и хозяйственной деятельности при коллективной собственности на территорию проживания. Казачество, число которого составляло 6,5 млн⁶ и которое практически имело одина-

³ Икрамов К. Дело моего отца // Знамя. 1989. № 5. С. 78.

⁴ Джебелегов А.К. Армия Великой французской революции и ее вожди. Исторический очерк. М.: Книга, 1923. 220 с.

⁵ Сельское общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–907.

⁶ Кабузан В.М. Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII — начале XX в. // Труды

ковый механизм пользования землей: община, владеющая земельными угодьями; член общины, временно пользующийся участком на различных основаниях⁷. Да и российское рабочее сословие недалеко ушло от крестьянства, на одно или два поколения, и не порывало связей с деревней⁸.

Основное население России все еще было связано узами социализации общности. Поэтому крестьянству, казачеству и рабочим социализация была понятнее, чем демократизация, республика и т. п. На такой социальной базе, полагали российские радикалы того времени, только и могли быть созданы социализм, идеология, утверждающая систему общественного устройства, основанного на общественной собственности, социальной справедливости, свободе и равенстве. И эта часть российского населения попала под влияние российских радикалов, обещавших им мир, землю, социализацию, социализм. В своей статье «Социализм и крестьянство» В.И. Ленин, обращаясь к сельскому пролетариату, говорил: «Самая радикальная победа крестьян, которой ты должен помогать те-

перь всеми силами, не избавит тебя от нищеты. Для этой цели есть только одна мера: победа всего пролетариата — промышленного и сельскохозяйственного — над всей буржуазией, устройство социалистического общества»⁹.

В заключительном слове по докладу Совета народных комиссаров 12 (25) января 1918 г., на Третьем Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, В.И. Ленин говорил: «Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, — мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, — мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата»¹⁰.

Таким образом, деятельность Временного правительства и ее ошибки не привели страну и общество к демократическому государственному строю. Под руководством радикалов Россию попытались через диктатуру пролетариата, социализацию провести к социализму. Но, как показала историческая практика, Россия еще не созрела к восприятию социализма, а диктатура — это все-таки не демократия.

Переход к новому историческому этапу социализму возможен при наличии развитого капиталистического общества, в недрах которого и зарождаются ростки нового социалистического общества. К сожалению, в России капиталистические отношения были еще на стадии развития. Попытки перескочить через исторические этапы развития кончаются трагически.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1967. Т. 9. С. 190–197.

¹⁰ Там же. Т. 35. С. 280.

Института российской истории. Вып. 7 / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2008. С. 302–326.

⁷ Аграрная политика государства в отношении казачества восточных окраин России на рубеже XIX–XX в. Ландарь И.А., аспирант кафедры истории Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита).

⁸ Число промышленных, прежде всего фабрично-заводских, рабочих было относительно невелико. В 1900 г. их насчитывалось около 3 млн человек, а вместе с занятыми в строительстве, на земляных работах, в сельском хозяйстве, в качестве чернорабочих, грузчиков, а также в кустарном и ремесленном производстве — примерно 14 млн (из 140-миллионного населения страны) Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1997. № 4. С. 41.

Литература

1. Милюков П.Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) / П.Н. Милюков // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. ; сост., послеслов., примеч. С.М. Исакова. М. : Книга, 1991. 480 с.
2. Дживелегов А.К. Армия Великой французской революции и ее вожди. Исторический очерк / А.К. Дживелегов. М. : Книга, 1923. 220 с.
3. Икрамов К. Дело моего отца / К. Икрамов // Знамя. 1989. № 5. 244 с.
4. Сельское общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. 578 с.
5. Кабузан В.М. Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII — начале XX в. / В.М. Кабузан // Труды Института российской истории. 2008. Вып. 7. С. 302–326.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1967. Т. 9. 600 с. ; Т. 35. 629 с.

Человек юридический и его правовая определенность

Сигалов Константин Елизарович,
заместитель директора Института
проблем эффективного государства и гражданского общества
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук, доцент
sigalovconst@mail.ru

Петрова Татьяна Эдуардовна,
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
психологии и правоповедения Московского авиационного института
(национальный исследовательский университет) МАИ (НИУ),
доктор социологических наук, профессор
Peta-63@mail.ru

Целью настоящей статьи является определение места человека как правового существа в системе координат правовой жизни, обнаружение свойств правовогенеза как неотъемлемого элемента антропогенеза, роли феноменов правоспособности и правового притязания в приобретении правовых статусов, значимости гражданского общества в их закреплении.

Ключевые слова: правовогенез, коммуникации, правовое существо, правоспособность, человек юридический, правовое притязание, правовая определенность, статус, свобода, договор.

Homo Juridicus and His Legal Certainty

Sigalov Konstantin E.,
Deputy Director of the Institute of Effective State and Civil Society Issues
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Professor of the Department of History of Law and State
of the Peoples' Friendship University of Russia,
Doctor of Law, Assistant Professor

Petrova Tatyana E.,
Professor of the Department of State and Municipal Management, Psychology and Law
of the Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI),
Doctor of Sociology, Professor

The purpose of this article is to determine the place of man as a legal creature in the coordinate system of legal life, the discovery of the properties of Progressa as Neot valid element of anthropogenesis, the role of the phenomena of legal capacity and legal price guidance in the acquisition of legal status, importance of civil society in their dedicated to establish.

Key words: genesis of the law, communications, legal entity, legal capacity, legal person, legal claim, legal certainty, status, freedom, contract.

Право занимает важнейшее место в становлении человека как существа, принципиально отличающегося от всех других существ природного мира. Право заменяет биологические и эмоциональные способы регуляции отношений, а его основания коренятся даже не в ранней человеческой истории, а в поведении высших животных. Именно протоправовые способы регулирования отношений блокировали внутривидовые конфликты, власть вожаков монополизировала и дозировала насилие. Без этого даже сообщества высших животных были бы обречены на самоуничтожение вследствие внутренних конфликтов.

Правогенез — это неотъемлемая часть антропогенеза, без этой составляющей человек полноценно не может функционировать в современной цивилизации. В отличие от «физического» антропогенеза (внешний облик человека), который, по крайней мере, на 95 % завершился, правогенез продолжает свое развитие. Б.С. Шалютин отмечает, что «и сегодня человек не рождается как *homo juridicus*. До определенного возраста он не соответствует требованиям к полноценному юридическому субъекту, и лишь перейдя некоторую границу, признается в таком качестве. В архаичных культурах такой переход осуществлялся через процедуру инициации, в развитых он начинается с первых форм юридической ответственности и заканчивается совершеннолетием... Только с некоторого этапа индивид становится самостоятельным субъектом социальных отношений, тождественных себе, ответственным за себя и свои действия. Не случайно после инициации во многих культурах присваивается новое имя, которое и маркирует человека как себя тождественного, способного рационально руководить собственным поведением ответственного субъекта»¹. Пусть не вполне полноценно, но тем не менее имманентно человеку присущи свойства правового существа именно изначально, подобно тому, как ему, человеку, присуща познавательная способность. Межпоколенная трансмиссия культуры заключается именно в передаче аксиологической информации, соответствующей данной цивилизации и степени ее развития. Собственно, любое обучение подрастающего поколения даже в животном мире начинается с закрепления в сознании потомков того, что делать можно, а что делать нельзя, без какого опыта невоз-

можно обойтись в окружающем мире и что из нового может быть принято. Выработанные протоправовые вехи позволяли выжить и сохранить себя в окружающем мире.

В социальном мире правогенез обусловлен комплексом социально-экономических, политических, идейно-интеллектуальных, этнических, религиозных и духовных обстоятельств жизни каждого отдельного человека, конкретного общества, в котором происходит его правовая социализация, той средой, в которой он формируется, и его личностными характеристиками. Формирование человека и общества взаимообусловлено и взаимозависимо, и эта взаимообусловленность и взаимозависимость — в первую очередь правовая. В Древнем Риме говорили: «*Ubi societas, ubi jus*» — где общество, там и право, ибо, действительно, право порождено обществом для своего функционирования, но, вероятно, в той же мере римляне (а мы все вслед за ними) должны были бы продолжить: «*Ubi homo, ubi jus*» — где человек, там и право. А.В. Поляков по этому поводу отмечает: «Право, как сфера должного и наличного в реальном поведении, не имеет бытия вне субъектов, обладающих определенными коммуникативными (интеллектуальными, эмоциональными и волевыми) возможностями и создающих право в актах интересубъективной коммуникации. Право есть компонент жизненного мира человека»². Право является необходимым фактором становления и существования общества, тем форматом отношений, который задается человеку для его полноценного функционирования в таковом. Но и общество — не есть некая абстракция, это всегда совершенно конкретная «среда обитания» и «среда конкретной коммуникации» тех конкретных людей, которые и предъясняются обществу с момента их рождения и формируются, развиваются и совершенствуются как правовые существа. «Правовым существом и становятся, и являются. Правовые чувства, мотивы, потребности, качества, конечно, культивируются (воспроизводятся), но вместе с тем они уже есть всегда, только, может быть, не том уровне и не в дистиллированной чистоте формы»³.

¹ Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 25.

² Поляков А.С. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 242.

³ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 79.

В идеале развитие правовых качеств человека, вероятно, должно опережать «скорость» правового развития общества, ибо в противном случае человеку уготована роль социального неудачника, который не в состоянии угнаться за общим темпом духовного развития общества. Это, однако, не означает, что человек обязан постичь весь объем юридического знания, это не под силу и армии профессиональных юристов, но понять их общий смысл, суметь не утонуть в этом правовом море — это свойство правового существа. Свойство правового существа как раз в том и состоит, чтобы, даже не будучи специалистом в той или иной области права, суметь и понять общий правовой тренд цивилизации, а также просто понять, к какому юристу ему следует обращаться в той или иной ситуации.

Правовым существом человек может стать только тогда, когда научится принимать самостоятельные, не зависящие ни от кого решения и станет понимать, что только он один обязан нести за них всю полноту ответственности. Любое навязанное решение (по выбору образования и профессии, идейных установок, спутника жизни, места жительства, манере одеваться и т. п.) свидетельствует о незрелости правового существа. И только продуманное решение (при условии, что человек совершенно точно понимает всю меру своей ответственности) свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с реальным правовым существом.

Социальная жизнь «заставляет» быть человека правовым существом. Без этого социального воздействия, возможно, тот или иной человек никогда бы не стал и не хотел бы становится правовым существом, общество вынуждает его становиться таковым. Количественная составляющая — это сумма тех правовых качеств, которые общество «навешивает» на человека, и тех правоспособностей, которыми человек вынужден овладеть. Любое человеческое усилие, любой труд — это действие принуждения. Другой вопрос, где находится этот «источник принуждения» — вовне или внутри человека, заставляет ли человека трудиться кто-либо извне, либо это стало его внутренней потребностью. «Индивид действует только в том случае, если он испытывает потребность в действии, т. е. если на короткое время произошло нарушение равновесия между средой и организмом, и тогда действие направлено на то, чтобы вновь установить это равновесие, или, точнее, на то, чтоб реадаптировать организм»⁴.

⁴ Пиаже Ж. Психология интеллекта // Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. С. 56.

Правоспособность определяет обязанности человека по отношению к обществу и другим людям, интегрирует его в социальные связи и отношения. Интегрирующее качество правоспособности каждый может прочувствовать сам на себе, ибо любая правовая ситуация понимается человеком в соответствии с его индивидуальным правосознанием, его личной правовой жизнью, целостностью восприятия любой правовой ситуации.

Правоспособность следует рассматривать как составную часть правосубъектности, которая, в свою очередь, является, по сути дела, юридической возможностью и в этом смысле тождественна субъективному праву. Каждый человек в разных ситуациях предстает в разных правовых «ипостасях», в различных обстоятельствах проявляя свои различные правовые свойства и характеристики (истец, ответчик, свидетель, пострадавший, адвокат, судья и т. д.). Причем субъектом права может быть кто угодно, а в некоторых правовых системах — даже не человек, а, например, собака или какое-либо другое существо, которому сумасшедший наследодатель оставил свое наследство или наделил какими либо другими субъективными правами. Таким образом, правосубъектность не всегда тождественна правогенезу, ибо правогенез предусматривает ситуацию «взаимного проникновения» субъекта правоотношений и права, признание за правовым существом сознательного отношения к праву как ценности абстрактной и ценностью в смысле обладания таковым и могущим принести реальную пользу. «К социокультурным коммуникативным условиям правогенеза относится наличие в обществе самих текстуально объективированных, общезначимых и общеобязательных правил поведения и обязанностей членов социума и выступающих в качестве общезначимых кодов, способных властно воздействовать на поведение субъектов»⁵.

Для правового существа характерно именно осознание последствия своих действий. В идеале любой поступок, совершаемый человеком, должен быть верифицирован правом. В России долгое время это было скучно и практически невыполнимо (причем не столько для рядовых обывателей, сколько в первую очередь для власть предержащих), но рано или поздно к этому придется прийти.

Человек обладает многими сущностями, он живет «во многих мирах» — в политическом, экономическом, моральном, религиоз-

⁵ Поляков А.С. Указ. соч. С. 243–245.

ном, эстетическом и т. д. Юристов он интересуется с точки зрения правового освоения мира, но это не означает, что право не интересуется политикой, экономикой, моралью, религией, искусством, наоборот, речь просто идет о преломлении этих сфер жизни в праве.

Правовое существо, это как раз тот самый homo juridicus, который обладает всем «комплексом» социальных свойств, позволяющим ему комфортно существовать в социальном мире, где право — стржевая характеристика социальности. Более того, развитое правовое существо понимает, где проходит граница между правовым миром и «миром неправы» или «миром другого права», и может быстро «переключиться», выйти из одного состояния и перейти в другое⁶. Здесь речь идет именно о развитом правовом существе, которое действительно осознает реальные качества окружающей его реальности, может сопоставить должное и сущее и принять правильное решение об адекватном поведении именно в этой среде и именно в конкретной ситуации. Ситуация, когда правовое существо в силу определенных обстоятельств вынуждено покинуть правовую сферу жизни, когда оно попадает в сферу квазиправовую, или вообще неправовую, — жесткое испытание личностных качеств человека. Здесь все зависит и от его знаний, и умений, и воли, и других составляющих, но, вероятно, свойства правового существа — все же основополагающие. Именно право заставляет человека юридического постоянно верифицировать свою практику, сверять ее с нормой. В.П. Малахов замечает: «В праве всегда должна быть зона напряженности, открытости, поскольку не может быть исчерпывающей системы ценностей, на которые направлено право и выражает его. В этой зоне проживает правовое существо как бодрствующее, актуальное. В зоне определенности (нормативности) существует лишь возможность актуальности правового существа,

осуществляемая не принципиально, а ситуативно»⁷.

Право по определению должно обладать императивностью, абсолютностью, безусловностью, а в религиозных правовых системах — еще и непогрешимостью. В то же время «живое право» всегда подвергается верификации и критике. Критичность правового существа — есть качество, о котором толковал еще Моисей: «Не сотвори кумира». Не следует эти слова воспринимать буквально, только как запрет поклоняться золотому тельцу. Следует понимать, что все в этом мире, включая правовые нормы, принципы права, правовые доктрины и вообще все, что мы вообще говорим о праве, должно восприниматься с должной долей критики. Любое право актуально и применимо в соответствующее время и в соответствующем месте, и если его постоянно не верифицировать, не подвергать критике, не обновлять, оно превратится в догму и будет только мешать жить. С другой стороны, человек обязан критично относиться и к самому себе, обновлять свои знания, причем не только в количественном, но и в качественном смысле, пересматривая те или иные положения, впитывая в себя свежие мысли и новые положения.

Важнейшим условием бытия правового существа в мире является способность к притязанию, формирующая индивидуальное право человека. Именно посредством этого свойства человек формирует себя как правовое существо.

Заметим, что способность к притязанию — это чисто русский вопрос. Точнее, вопрос, поставленный русской интеллигенцией о праве человека к обладанию комплексом прав. Ведь для Руси-России всегда было характерно то, что права даруют, что даже после народных бунтов и осуществленных социальных революций появлялся какой-то правитель, царь, генеральный секретарь, который начинал распоряжаться тем, что принадлежит всем, и при этом еще и власть, и сама его особа сакрализировались. На Западе и общественный, и личностный тренд отношений государство-власть-общество-личность сводился к тому, что все имели свои сферы. Это не пришло сразу, за это долго и жестоко боролись с переменным успехом, но своего добились, поэтому и притязания, и самоограничения воспринимаются правовым существом вполне осознанно, гармонично и в свете социальных реалий, а не интенций

⁶ Неоднократно описанное в специальной да художественной литературе то, как следует себя вести в том случае, если попадаешь в окружение чуждого культурного кода поведения: уголовного, иноконфессионального мира, в иную среду обитания. Например, Б. Акунин в романе «Алтын-Толобас» красочно описывает, как герой-иностранец, попавший в Россию в первый раз, но много знавший и читавший о ней, быстро находит способ установить посправедливую справедливость, переходя на блатной язык и жесткие угрозы «по фене» при обращении к похитителям своих вещей.

⁷ Малахов В.П. Указ. соч. С. 80.

«беспощадных русских бунтов» или положений «тварь я дрожащая или право имею». В современной России постепенно, медленно, но верно оправданные и законные правовые притязания, несмотря на ожесточенное сопротивление властей и не проснувшихся *homo profanes*, становятся социальной реальностью.

Так или иначе эти самые *homo profanes* должны стать реликтом, а будущее останется именно за *homo juridicus*. «Человек юридический — цивилизованный индивидуум, способный самостоятельно перераспределять свою витальную и социальную энергию и направлять свои инстинкты и страсти в

русло нормативного существования, законопослушного поведения, умеющего облекать противоречия своей внутренней и внешней жизни в приемлемые для социального окружения правовые формы»⁸. Без правового восприятия мира, без выстраивания окружающей действительности через призму права современная цивилизация либо приобретет совершенно иную архитектуру, либо вообще прекратит свое существование.

⁸ Бачинин В.А. Человек юридический // Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006. С. 1026.

Литература

1. Бачинин В.А. Человек юридический / В.А. Бачинин // Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006. 1081 с.
2. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения / В.П. Малахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 751 с.
3. Пиаже Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 680 с.
4. Поляков А.С. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций / А.С. Поляков. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 863 с.
5. Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека / Б.С. Шалютин // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 14–26.

История нормативного правового закрепления социальной функции государства

*Шальгина Инга Сергеевна,
помощник депутата Законодательного Собрания
Вологодской области, аспирант Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
Inga1307@bk.ru*

В статье рассмотрены вопросы периодизации законодательного закрепления социальной функции в странах Европы. Показан процесс наращивания элементов исследуемого явления, проанализированы особенности каждого этапа. В настоящее время социальная функция государства является одним из важных направлений его деятельности. Ни у кого не вызывает сомнения факт ее наличия в функциональной теории современного государства, а также ее приоритетности. Социальная функция прошла долгий путь в своем развитии: от полного отрицания государством необходимости регулирования социальных вопросов, постепенно наращивая сферы государственного ведения, превратилась в основное направление, которое отличает противоречивый и комплексный характер. В статье показано, как со временем расширяются границы влияния государства в социальной сфере и каким образом отражается этот процесс в законодательстве. Наглядно продемонстрирован переход от регулирования социальной сферы церковными постановлениями к принятию первых светских законов, после — к необходимости создания социального законодательства. В статье отмечено, насколько важен каждый этап для поиска оптимальной модели современной социальной функции государства. Сейчас необходимо найти состояние баланса между финансовыми возможностями государства и потребностями общества, не допустить иждивенчества и обеспечить доведение мер социальной поддержки до нуждающегося адресата.

***Ключевые слова:** социальная функция, государство, социальная сфера, законодательство, благотворительность.*

History of Regulatory Fixing of Social Function of State

*Shalygina Inga S.,
Assistant to Deputy of the Legislative Assembly of the Vologda Region,
Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

The article is devoted to the issues of periodization of legal statutorization of the social function in Europe. There is shown a process of increasing of the elements of the phenomenon under analysis, the peculiarities of each stage have been analyzed. For the present moment the social function of the state is one of the most important directions of its work. Nobody doubts the fact of its presence in the functional theory of the modern state as well as of its priority significance. The social function has passed a long way in its development: from complete negation by the state of the necessity to regulate social issues it has steadily increased the spheres of the state regulations and turned into the basic direction with contradictory and integrated nature. The article shows how the borders of influence of the state in the social sphere are being widened and how this process is reflected in the legislation. There is illustrated a transition from regulation of the social sphere by the church resolutions to passing the first national laws and afterwards to the necessity to organize social legislation. The article notices the importance of each stage in the process of searching the most favorable model of the modern social function of the state. Nowadays it is important to find a balance between financial opportunities of the state and needs of the society, not to allow dependency and provide those who need with the measures of the social support.

***Key words:** social function, state, social sphere, legislation, charity.*

Систематизированное правовое оформление социальной функции государства началось в конце XIX — начале XX в. До этого времени в законодательстве различных стран

можно было встретить церковные постановления и светские законы, которые точно решали социальные проблемы, в основном нищеты и бродяжничества.

Можно выделить следующие этапы развития социальной функции государства:

1. С древних времен до XIV–XV вв. — осуществление социальной функции духовенством, подготовительный этап в зарождении социальной функции государства;

2. Средние века — начало XVIII в. можно разделить на два подэтапа:

— период вмешательства государства в социальную сферу путем введения репрессивных мер против пауперизма;

— период законодательного закрепления элементов исследуемого явления (образование, здравоохранение, вопросы охраны детства и материнства, проблема занятости населения), обеспечение деятельности которых берет на себя государство;

3. XVIII — начало XX в. — время внедрения в жизнь различных социальных явлений (идеи «социального государства», социального страхования), данный период также можно разделить на два подэтапа:

— период растущих потребностей индустриального общества, которые требуют от государства решительных мер в социальной сфере, но расширение сферы социальной функции государства не происходит;

— вторая половина XIX — начало XX в., начиная с Германии, происходит долгожданное увеличение сфер, которое находит отражение в законодательстве;

4. 1930–1980-е гг. — укрепление позиций государства в осуществлении социальной функции;

5. 1990-е гг. — настоящее время — поиск эффективных способов реализации социальной функции с учетом накопленного опыта и современных реалий.

Подготовительный этап в зарождении социальной функции государства (с древних времен до XIV–XV вв.). Законодательное закрепление социальных функций берет свое начало с древних времен, светские и религиозные акты возлагали реализацию социальной функции на церковь. Согласно действовавшему в России Церковному уставу 996 г. попечение о бедных и надзор за общественным призрением возлагались на духовенство, а источником для этого должна была стать церковная десятина¹. В Англии канон 1281 г. предписывал священникам удовлетворять тех нуждающихся, которые живут в приходе. В королевских капитуляриях Фран-

ции можно встретить следующие выражения: «церковь обязана прокармливать бедных», «монастыри должны давать бедным приют и содержание».²

Из всех сфер социальной функции государства основное внимание уделялось опеке неимущих и больных.

Средние века — начало XVIII в. — время введения государством репрессивных мер против пауперизма. На основные направления деятельности государства влияет конкретная историческая эпоха, которая ставит перед ним определенные задачи. В Средние века законодательство европейских государств вводит жесткие репрессивные меры в отношении пауперов, поскольку массовая нищета требовала сосредоточить все внимание на призрении бедных.

Первым таким актом в Англии стал Statute of Labourers 1349 г. В Германии первые законы против бедных были приняты на местах. Первый общегосударственный закон против бедных был принят в 1497 г. Существованию такой двухуровневой системы законодательства послужила раздробленность государства, но именно она дала возможность для правотворчества на местах и самостоятельного решения острых проблем городскими властями.

В России первой попыткой введения мер, направленных на искоренение профессионального нищенства, являются акты Стоглавого Собора 1551 г. Период введения серьезных репрессий против пауперов приходится на времена правления Петра I, что демонстрирует нам отставание, по сравнению со странами Европы, в признании социальных проблем аппаратом управления.

Предмет правового регулирования социальной сферы в рассматриваемый период очень узок, законодательство касается лишь призрения нищих и больных, и решение данной проблемы видится только в репрессивных мерах.

Период, ознаменовавший начало законодательного закрепления сфер социальной функции государства. Этап введения карательных мер против пауперизма сменяется периодом принятия законодательных актов, регулирующих различные сферы социальной функции. Надо отметить, что в России эти этапы не так отчетливо сменяли

¹ Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М.: Юстицинформ, 2009. С. 86.

² Залеский В.Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западноевропейских государств. Казань: Электрическая типография Л.П. Антонова, 1912. С. 133.

друг друга, как в странах Европы. Этап введения жестких репрессивных мер против нищих и период зарождения социального законодательства приходятся на эпоху правления Петра I. Тем не менее этот факт не рушит периодизацию законодательного закрепления социальной функции в странах Европы.

Способность государства брать на себя ответственность за социально уязвимые слои населения в Англии демонстрирует Act for the Relief of the Poor 1601 г. Закон предусматривает переход от практики добровольных пожертвований к системе налогообложения на бедных.

По сравнению с Англией, Германское государство гораздо дольше сопротивлялось брать на себя обязательства по признанию нетрудоспособных нищих, возлагая заботу о них на общину (Имперский полицейский устав 1530 г., Указы Пруссии 1684 г., 1701 и 1708 гг.). В 1794 г. Прусское общее земское право вменяет в обязанность государства пропитание и призрение тех граждан, которые не могут себя обеспечить. На практике данные положения не применялись. До 1830 г. забота о бедных осуществлялась за счет добровольных пожертвований.

Серьезные нововведения в социальной сфере связаны с именем Петра I. Регламент Главному Магистрату от 16 января 1721 г. в числе функций полиции называет призрение нищих, бедных, больных, защиту вдов и сирых, чем выводит социальную сферу из-под всеобъемлющего господства церкви. Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г. уделяют внимание регламентации медицинской службы в армии и на флоте. Правовой основой деятельности аптек стал Указ Петра I от 14 августа 1721 г.³

На протяжении всего исследуемого периода государство ищет эффективные способы социального призрения: возлагает эту обязанность на церковь, общины, специальные фонды, на регионы. Постепенно государство осознает свою необходимость в решении социальных вопросов, что находит отражение и в законодательстве.

Период внедрения в жизнь различных социальных явлений (XVIII — начало XX вв.). В истории период с конца XVIII и до начала XX вв. принято считать новым, время вели-

ких открытий, реформ и революций, время распространения идеи о социальном государстве, становления социального законодательства. Данный этап подразделяется на два периода.

Период требований «снизу» о расширении сфер социальной функции государства. Процесс наращивания элементов социальной функции является ответом государства на вызовы общества, на его потребности.

Важным переходным этапом от Средневековья к Новому времени является практика создания работных домов, государство всерьез задумывается о проблеме занятости населения.

Одним из центральных событий социальной истории Англии стало принятие в 1795 г. закона Спинхемленда. Целью данного акта было улучшение материального положения бедных, поскольку он предусматривал прибавку к заработной плате, но такие выплаты привели к потере мотивации у рабочих хорошо и добросовестно трудиться. Начало XIX в. в Англии можно описать как «период лихорадочной законодательной деятельности государства в области общественного призрения»⁴. После некоторого затишья со стороны государства начались попытки введения различных специальных организаций, которые регулировали деятельность социальной сферы.

С приходом к власти Екатерины II в России продолжается процесс расширения границ государственного вмешательства в исследуемую область. Важным законодательным актом в этот период является Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г., которое вводит сеть социальных учреждений под названием «Приказы общественного призрения». Данная реформа не принесла ожидаемых результатов, но важным итогом таких преобразований является практика решения социальных проблем на местах.

В соответствии с Положением о Приходских Попечителях при Православной церкви 1864 г. на духовенство возложены обязанности по первоначальному обучению детей, а также по оказанию помощи всем нуждающимся в пределах прихода. Систему общественного призрения разрушили Первая мировая война и советская власть.

³ Войтенков Е.А. Становление и развитие основ государственного управления и законодательства в сфере здравоохранения в Российской империи: теоретические и историко-правовые аспекты // История государства и права. 2014. № 21. С. 60.

⁴ Гаген В.А. Право бедного на призрение. Т. I: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб.: Общественная польза, 1907. С. 464.

Законодательное закрепление государственной опеки над неимущими.

В Германии принимается прогрессивный и такой долгожданный для населения Акт 1870 г., в соответствии с которым каждому нуждающемуся должна быть оказана помощь. В 1871 г. формируется Германская империя и в этом же году принимается первая конституция. Германия раньше всех освоила систему социального страхования. Первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк способствовал принятию развернутого социального законодательства.

До необходимости принятия Закона о государственном страховании Англия дошла лишь к 1911 г. Основа социального законодательства Англии появляется с реформами благосостояния 1906–1914 гг.

В России период законодательного закрепления опеки над социально уязвимыми слоями населения совпадает с началом эпохи Советского государства. Первым официальным документом, в котором были названы отдельные социальные права, стало Правительственное сообщение от 1 ноября 1917 г. «О социальном страховании»⁵; 11 декабря 1917 г. СНК принимает Положение о страховании на случай безработицы⁶. Россия, подобно другим европейским странам, вступила на путь создания системы социального страхования и становления знаменитой на весь мир уникальной системы советского социального обеспечения.

Данный период является самым важным, поскольку законодательно оформляются базовые элементы анализируемого явления. С этого времени расходы на социальную сферу будут только увеличивать, так же, как и число законодательных актов, гарантирующих различные меры социальной поддержки за счет государства.

Период укрепления позиций государства в осуществлении социальной функции (1930–1980-е гг.). Характерной особенностью данного периода является то, что государство оказывает чрезмерную опеку над своими гражданами, что ведет к постоянному росту социальных расходов и порождает иждивенчество населения.

После Октябрьской революции в России наступает советский этап. Данное вре-

мя характеризуется жесткой централизацией, Советское государство уделяло большое внимание здравоохранению, образованию, жилищному строительству. Законодательство СССР отражало ответственность государства за благосостояние населения⁷.

В Германии в период Веймарской республики принимается первая конституция, которая закрепила положение о социальном государстве. В период нацистского режима в целом была сохранена структура системы социального обеспечения Веймарской республики.

В 1949 г. принимается Основной закон Германии, ст. 20 которого содержит положение о том, что «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством»⁸. В 1970 г. Правительство принимает решение о создании Социального кодекса, в содержание которого будут включены различные виды социального страхования и меры социальной поддержки населения. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Германии наступает кризис «социального государства».

В данный период аппарат управления не отстраняется от решения социальных проблем, его деятельность направлена на повышение благосостояния населения в различных сферах. К концу 1980-х гг. назрел кризис социальной функции государства, необходимо было ее реформировать, искать новые источники ее финансирования и методы реализации.

1990-е гг. — настоящее время — период поиска эффективных способов реализации социальной функции с учетом накопленного опыта и современных реалий.

Несмотря на различие причин в России, Англии, Германии, Франции и других странах, в 1990-е гг. встал вопрос о реформировании социальной функции государства. В настоящее время данная функция является наибо-

⁵ Положение о страховании на случай безработицы (утв. ВЦИК, СНК РСФСР 11.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 8. Ст. 111.

⁶ Путило Н.В. Социальные права граждан: история и современность. М.: Юриспруденция, 2007. С. 100.

⁷ См., напр.: Закон СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 313; Закон СССР от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392; Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» // Ведомости ВС СССР. 1969. № 52. Ст. 466.

⁸ Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие. 8-е изд., испр. и доп. М.: ИнфотропикМедиа, 2012. 615 с.

лее динамичной, расширяются ее границы, что приводит к увеличению ее финансирования, государства находятся в постоянном поиске эффективных способов ее реализации.

Каждый период занимает важное место в закреплении социальной функции, практика решения социальных вопросов духовенством и отстраненность государства показывают, как население нуждается в поддержке со стороны государственных структур на определенных этапах жизни. Государству приходится реагировать на процессы развития общества, роста его потребностей и от периода к периоду расширять границы своего влияния в социальной сфере. Советский период и расцвет «государства всеобщего благосостояния» в европейских странах демонстри-

руют все недостатки излишнего вмешательства государства в данную сферу. Раздавая преимущества и таким образом устраняя ответственность человека за его собственную жизнь, создан новый вид человека — незрелое, безответственное и зависимое⁹. Как тяжело люди переживают перестроечные времена, к каким социальным катастрофам ведут необдуманные реформы, революции и войны — все это особенно важно учитывать в настоящее время, когда происходит развитие социальной функции государства, поиск ее рациональной модели реализации.

⁹ Per Bylund. How the Welfare State Corrupted Sweden? [Электронный ресурс] // URL: <http://mises.org>

Литература

1. Войтенков Е.А. Становление и развитие основ государственного управления и законодательства в сфере здравоохранения в Российской империи: теоретические и историко-правовые аспекты / Е.А. Войтенков // История государства и права. 2014. № 21. С. 59–62.
2. Гаген В.А. Право бедного на призрение. Т. I : История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии / В.А. Гаген. СПб. : Общественная польза, 1907. 649 с.
3. Залеский В.Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западно-европейских государств / В.Ф. Залеский. Казань : Электрическая типография Л.П. Антонова, 1912. 311 с.
4. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учебное пособие. 8-е изд., испр. и доп. М. : ИнфотропикМедиа, 2012. 592 с.
5. Лушникова М.В. Курс права социального обеспечения / М.В. Лушникова, А.М. Лушников ; 2-е изд., доп. М. : Юстицинформ, 2009. 656 с.
6. Путило Н.В. Социальные права граждан: история и современность / Н.В. Путило. М. : Юриспруденция, 2007. 320 с.

Основные правовые характеристики землевладения и землепользования в условиях русской крестьянской общины*

Васев Игорь Николаевич,
доцент кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
vasev1986@mail.ru

В статье указывается на особенности правовой культуры русского крестьянства применительно к землевладению и землепользованию. Раскрывается принцип «равенства всех перед землею», различается равное и уравнительное землепользование. Описывается несовпадение права держания земли и западноевропейского права частной собственности на землю. В ходе юридических сделок с землей отчуждалась не сама земля, а труд, в нее вложенный. В качестве юридического основания права держания земли определяется право труда. Историческое значение крестьянской общины в России — в некапиталистическом типе сельского хозяйства.

Ключевые слова: русская крестьянская община, право на землю, держание, право на труд.

Main Legal Characteristics of Land Ownership and Use in Conditions of Russian Peasant Community

Vasev Igor N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Faculty of the Altai State University,
Candidate of Legal Sciences

The article denotes specific features of legal culture in Russian peasantry with regard to land tenure and land use. Further the article develops such principle as "equality of all before the land"; distinguishes equal and equalitarian land use and describes discrepancy between the right to land holding and the West-European right to private land ownership. In the course of juridical land transactions it was not the land that was alienated but the labor invested in the land. The right to labor is determined as legal grounds for the right to land holding. The historic significance of a peasant community in Russia lies in non-capitalist type of agriculture.

Key words: Russian peasant community, right to land, holding, right to labor.

Крестьянское правовое сознание всегда было образным. Мудрость, накопленную за века, оно стремилось облечь не в рациональную формулу закона, а в живое, в глазах воспринимающего разворачивающееся до целого панарамного изображения слово¹. Именно такая форма архивирования культуры гораздо более устойчива во времена социальных потрясений, когда Смута, сколь долго бы она не буйствовала в самом центре государства и каким заклятиям бы она не подвергала преж-

ний законопорядок, нисколько не касалась основ крестьянского обычного права.

Это сейчас мы уже не способны разглядеть за емкими выражениями наших предков действительного их смысла, и фраза «Дареному коню в зубы не смотрят» превращается для нас в примитивную житейскую установку о недопустимости проявления неблагодарности по отношению к дарителю. В действительности же целокупное сознание крестьянина еще начала XX в. в этом образе находило в том числе и сугубо юридическое содержание: *из безвозмездности дарения вытекает невозможность спора о качестве*

¹ Иллюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М.: КРАСНАД, 2011. 80 с.

* Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 17-03-00007 «Обычное право русской крестьянской общины».

передаваемого имущества. А крайне тонкое соотношение безвозмездности дарения с обязанностью (!) последующего отдаривания выражалось, например, в формуле: «Подарки дарят — отдарков глядят». В таком народном измерении обычное право не то что не нуждалось в санкции государства, — обычное право относилось к подобному санкционированию безразлично².

Так же на первый взгляд метафорично выглядит и принцип «равенства всех перед землею», рожденный в недрах русской крестьянской общины³. Но речь идет вовсе не о каком-то афоризме, а именно о полноценном правовом принципе. Раскрыть его можно следующим образом: все, кто имеет отношение к земле, поставлены в совершенно равные условия. Причем русская крестьянская община всегда исповедовала не принцип простого равенства, а принцип *уравнительности* землепользования. Равенство подразумевает механический расчет, когда, например, семья с пятью взрослыми работниками получает пять душевых наделов, а семья с одним работником — один душевой надел. Это «мотивируется несением натуральных повинностей именно поровну каждым двором; это равное выполнение части податных обязанностей и компенсируется равным же распределением также части пахотной земли»⁴. И именно подобное механическое равенство было положено в основу петровской податной/ревизской реформы.

Но семья из пяти работников (крепкая, экономически состоятельная) через такое равенство лишь более упрочит свое положение. А семья маломочного крестьянина-одиночки, скорее, придет в упадок. Дело в том, что крепкая семья располагает всеми преимуществами разделения труда (может организовать косьбу и в день, и в ночь, освободить от сельскохозяйственных тягот одного из своих членов и направить его в город с товарами). Все эти возможности просто не доступны малой крестьянской семье. А значит, механическое уравнивание таких семей за счет наделения их равными долями в землепользовании по числу душ *не являлось в крестьянском со-*

знании воплощением справедливого равенства.

Именно поэтому русская крестьянская община, освободившись от ревизской опеки государства в середине XIX в., практически сразу отказывается от идеи равенства в пользу идеи *уравнительности*. Последняя предполагала не механическое поравнение крестьян в их правах на землю, а социально-ориентированное распределение материальных благ. Поэтому та самая семья с пятью работниками может получить не 5, а 4 ½ или 4 надела, так как даже при таком *неравном* распределении она останется экономически сильной. А освободившаяся часть земельного фонда перейдет к нуждающемуся крестьянину (он получит 1 ½ «души»), что позволит ему свести концы с концами.

Уникальна крестьянская община и через ее глубоко религиозное постижение земли («земля есть мирская да Божья»). Земля русским крестьянином никогда не воспринималась как средство к обогащению, как объект капиталовложения. «Взгляд крестьянина на землю вытекает из его взгляда на труд — всегда признаваемый и справедливый источник собственности. Земля — не продукт труда человека; следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда»⁵.

Формально существовали договоры купли-продажи земельных участков, но это была не купля-продажа в современном ее смысле. В практике русского крестьянства отсутствовал мотив недобросовестной капиталистической наживы: «Например, наиболее активная форма распоряжения — продажа, — никогда тут не имеет места относительно неразработанной земли: ведь неразработанную землю всякий может... сам занять... а продается всегда лишь разработанный участок, — лесные „чищобы“, вспаханное поле, взрощенный лес, расчищенный от кустов покос, а чаще всего поле с целой усадьбой и строениями, городьбой и т. д.»⁶. А «раз никогда не продается земля без вложенного в нее труда, то ясно, во-первых, что самая продажа земли представляет, собственно говоря, продажу вложенного в нее труда и что, во-вторых, только труд служит основанием активного права распоряжения»⁷.

² Безгин В.Б. Обычное право в землепользовании русских крестьян второй половины XIX — начала XX века // История государства и права. 2015. №15. С. 38–43.

³ Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 3.

⁴ Качоровский К.Р. Что такое община? М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 222.

⁵ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 139.

⁶ Качоровский К.Р. Указ. соч. С. 105.

⁷ Там же.

В связи с этим русскому крестьянству было чуждо выработанное западноевропейской правовой наукой понятие частной собственности. «Как часто раздавались и раздаются жалобы на невежественного и безнравственного мужика, не имеющего ясных понятий о праве собственности и пользующегося всяким удобным случаем, чтобы попать это право. Обвинение, основанное на чистом недоразумении: народ лишь оригинально понимает собственность, но затем чувство уважения к собственности в нем гораздо глубже, чем в культурных классах. Да оно и не может быть иначе. С нами Европа еще раз сыграла плохую шутку, или, точнее, мы сами над собой ее разыгрываем, подражая Европе»⁸. Западноевропейское понимание собственности всегда акцентировало внимание на средствах защиты собственником своих прав, на отделении «своего» от «чужого». В правосознании же русского общинника владение землей увязывалось не с правом, а с обязанностью, причем не только юридической, но и религиозно-нравственной.

Так, крестьянскому обычному праву были абсолютно не понятны частнособственнические мотивы X тома Свода законов Российской империи. «Никто не объяснил крестьянину, что после его смерти его усадьба должна быть разделена поровну между его сыновьями, с выделом 1/7 части его жене и по 1/14 части дочерям. Практиковать это правило по отношению к крестьянскому имуществу — значит уничтожить его хозяйство и разорить всю семью»⁹. Как мы понимаем, и объяснить-то такую великую глупость крестьянам было невозможно.

Но как тогда понимать ту обширную крестьянскую договорную практику, где сплошь и рядом мы встречаемся с указанием на «мое» и «чужое имущество», на сделки по купле-продаже земли? Все тут же встает на свои места, как только мы понимаем, о чем в действительности идет речь. «*Держание*», а не «собственность» — вот суть отношения русского крестьянина-общинника к земле. Одно только выражение из купчей XIX в. — «продал на 10 лет» — может поставить в тупик любого современного юриста, но окажется вполне понятным, как только мы усвоим себе, к сожалению, вполне забытый «мужицкий» взгляд на землю.

В традиционной отечественной правовой культуре собственность, ее учреждение не были *актом*, односторонним действием. Напротив, установление права владения неизбежно увязывалось с общественной санкцией происходящего, с *согласием* мира, *соглашением*. В России отношение человека к вещи — дело общественное, а не индивидуальное. Собственник в традиционном русском миропонимании не есть носитель абсолютного «священного» права. Взаимодействие человека с вещью способствует не его индивидуализации, а, напротив, вхождению этого человека в общество¹⁰.

Общинное землевладение и землепользование концентрированно выражалось в идее: «*Живи — и дай жить другим*». Суть ее в том, что *никто не вправе провозгласить свое исключительное право в отношении земли*, желание нуждающегося трудиться всегда перевесит право текущего владельца земли. Любой жаждущий трудиться и нуждающийся в земле способен оспорить текущее землевладение только потому, что он может и должен трудиться.

Обратим внимание на то, что община вводит практику изъятия земли у многоземельного крестьянина и передачи ее малоземельному *не за правонарушение* первого. Он в равной мере с остальными имеет право на данный земельный участок. Но в данном конкретном случае право малоземельного крестьянина оказывается более явным, более обостренным, а потому крестьянская община осознанно решается на ограничение одного правопритязания в пользу другого в силу *большей нужды* последнего. Это означает, что при отсутствии такого острого притязания прежний владелец так и остался бы законным владельцем. Исследователю крестьянской общины на Алтае С.А. Чудновскому богатые крестьяне так объясняли свое решение отдать землю в общий передел: «После передела греха будет меньше, а справедливости тогда, пожалуй, больше будет»¹¹.

Единственным средством оправдания материального благосостояния в таких условиях становится честный труд. Честный труд порождает и честный заработок. «К праву собственности на те земельные продукты,

⁸ Ефименко А.Я. Указ. соч. С. 139.

⁹ Соснина М.А. Закон и обычай в регулировании деятельности волостных судов в делах о наследстве // История государства и права. 2017. № 7. С. 26.

¹⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: АСТ, 2006. С. 321–359.

¹¹ Якимова И.А. Эволюция форм общинного землепользования пашней и сенокосными угодьями на Алтае во второй половине XIX в. // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в.: сб. науч. ст. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 77.

которые произведены трудом человека, крестьяне относятся с уважением почти религиозным. Кража скошенного сена на лугу, хлеба на поле, хотя никто их не сторожит, вещь совсем исключительная, покрывающая виновника вечным позором. Даже крайняя необходимость не может заставить крестьянина нарушить святое для него, в данном случае, право собственности». И лишь крайняя необходимость позволяет поступить иначе: «В неурожайные годы, когда бедняки находятся в совсем безвыходном положении — купить хлеба не на что, занять не у кого, — они прибегают к самовольному, так сказать, займу у богатых. Из хлеба, который зажиточные держат необмолоченным в степи на току, вдруг исчезает несколько копен, взятых неизвестно кем, а на другой или даже на третий год, при урожае, хлеб привозится опять, всегда 2–3 копами больше, чем было взято, и складывается на том же самом месте»¹².

Нетрудовой же доход крестьянами просто не признавался. Не мог крестьянский ум, например, вместить идею, что лесной участок может кому-то принадлежать, пусть даже государству. Лес растет сам по себе, это Божий труд, и пользоваться его плодами только один человек не может. У А.Я. Ефименко встречаем очень интересное свидетельство: «Вот ловят крестьянина на лесной порубке... обыывают его вором. Того даже слезы прошибают от тяжелой обиды: „Отродясь не был вором, а тут вот, на-поди, вором величают“, плачет он и вполне убежден, что его обидели напрасно. В суд идти и понести наказание, когда поймался, это так, это следует по закону, — что поделаешь, когда такой чудной закон выдумали? — а все же таки не вор и вором отродясь не был»¹³.

В этом вопросе народное правосознание находило безусловную поддержку в религии. В Ветхом Завете сказано: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит, 25:23). А потому, если крестьянин и «продавал» землю, то он скорее осознавал данное действие не как уступку земли в качестве объекта гражданского права, а как *переуступку права пользования землей за деньги*. То есть продавалась не земля (ее крестьянин в принципе продать не мог, так как «земля есть мирская да Божья»), а лишь право доступа к ней, переуступалось право преимущественного держания. Крестьянское правосознание вос-

принимало такую сделку по большей части как продажу труда, вложенного в земельный участок (по его расчистке, распашке, удобрению и пр.).

Именно труд и его количество определяли отношение человека к земле и иным объектам гражданских прав. Только трудовая связь с землей может оправдать факт владения ею. «Этот трудовой корень русско-крестьянского семейно-захватного владения является таким глубоким основанием, что почти можно сказать, что тут не столько человек захватывает землю, сколько орудия его труда. Это, собственно, и выражено в старинной исконной захватной формуле, по коей заимщик овладевает всей той землей, "куда его топор, коса и соха ходили"»¹⁴. Именно поэтому обычное право русского крестьянства традиционно допускало к наследованию незаконнорожденных детей, усыновленных и прочих, т. е. лиц, не состоявших в родстве с наследодателем, но участвовавших трудом в семейном хозяйстве.

Напротив, необрабатывающий землю не может претендовать на исключительное владение. Показательное решение волостного суда приводится К.Р. Качоровским: «Крестьянин Венчаков с целью завладеть свободным участком пашни наделал, как говорит запись, „захватных складов“, т. е. провел несколько борозд, служащих по обычному праву знаком завладения; однако участка он не распашал ни в первый год, ни в следующий. Тогда крестьянин Еськин, несмотря на то, что знал о проведенных Венчаковым складах, землю вспахал; Венчаков же, считая по праву первой оккупации землю своею, засеял ее; на это Еськин подал жалобу в суд, указывая, что право на землю принадлежит ему, Еськину, как лицу, которое ее впервые вспахало; Венчаков же, хотя и провел захватные склады, землю в течение двух лет не пользовался. Суд согласился с мнением истца, и спорный участок был оставлен за ним, с тем однако условием, чтобы Венчаков воспользовался половиною урожая в возмещение затраченных им на посев семян»¹⁵. В русском крестьянстве уже на исходе XIX в. право труда зримо потеснило право первоначального захвата / займа земли.

Давность владения несколько не освящала самого права владения. Напротив, она могла быть обращена против владельца. Если крестьянин давно владел землей и давно уже ее не обрабатывал надлежащим образом,

¹² Ефименко А.Я. Указ. соч. С. 144.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Качоровский К.Р. Указ. соч. С. 107.

¹⁵ Там же. С. 122–123.

то волостной суд мог постановить об отобрании у него такой земли.

Тонкое и уважительное отношение к праву труда предполагало также, что больший труд «перебарывает» меньший: если кто-либо брался из простого покоса сделать орошаемый, т. е. интенсифицировать хозяйство, то община отбирала землю у старого владельца и передавала ее новому. Тем более община признавала преимущество пахаря перед косарем. Крестьянин, распахавший чужой покос, при прочих равных условиях признавался правым перед незадачливым владельцем покоса. Крестьяне выражали эту мысль так: *«сохе препятствовать нельзя»*, т. е. тяжелый труд пахаря перекрывает собой меньший труд косаря. К.Р. Качоровский приводит пример, когда община отбирает покос у одного крестьянина для передачи его другому под пасеку — право более интенсивного труда вытесняет право экстенсивного труда.

Как только община вполне осознает трудовой принцип, землепользование в России вступает в заключительный высший период — общинно-уравнительный (вторая половина XIX в.). И.Л. Солоневич в свое время сделал очень интересное наблюдение — только в России землепользование перешло в третью ста-

дию: после захватного и отводного оно перешло к общинному. Предыдущие типы землепользования известны и другим народам. Общинное — только славянам. Русская община, столкнувшись с непримиримыми противоречиями между многоземельным и малоземельным крестьянством, принуждена была примирить «права одних на затраченный труд с правом и потребностью других прилагать свой труд к земле»¹⁶. Но она смогла не то что разорубить, а развязать этот гордиев узел. Община, основанная на принципах христианского милосердия, справедливости предпочла вариант уравнительного распределения земель, хотя бы этот осознанный шаг и означал подчас хроническую бедность. До крестьянской реформы 1861 г., когда крестьянский мир был стеснен в своем праве перераспределять землю, среднее число безземельных крестьян в России составляло 20 %, после перехода к уравнительному землепользованию оно падает до 10–4 %¹⁷.

¹⁶ Миславский Н. Поземельная община в России: опыт историко-критического очерка взглядов на происхождение, развитие и типы русской поземельной общины. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 50.

¹⁷ Кауфман А.А. Указ. соч. С. 270.

Литература

1. Безгин В.Б. Обычное право в землепользовании русских крестьян второй половины XIX — начала XX века / В.Б. Безгин // История государства и права. 2015. № 15. С. 38–43.
2. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право / А.Я. Ефименко. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 402 с.
3. Иллюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа / И.И. Иллюстров. М.: КРАСНАД, 2011. 80 с.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. М.: АСТ, 2006. 366 с.
5. Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста / А.А. Кауфман. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 459 с.
6. Качоровский К.Р. Что такое община? / К.Р. Качоровский. М.: ЛЕНАНД, 2014. 368 с.
7. Миславский Н. Поземельная община в России: опыт историко-критического очерка взглядов на происхождение, развитие и типы русской поземельной общины / Н. Миславский. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 104 с.
8. Соснина М.А. Закон и обычай в регулировании деятельности волостных судов в делах о наследстве / М.А. Соснина // История государства и права. 2017. № 7. С. 26–31.
9. Якимова И.А. Эволюция форм общинного землепользования пашней и сенокосными угодьями на Алтае во второй половине XIX в. / И.А. Якимова // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в.: сб. науч. ст. Вып. 2. Барнаул, 2004. 173 с.

Крепостное право и крестьянские общины как антагонизмы, или Некоторые размышления об аксиомах построения Российского государства

*Чупилкина Айгуль Фаридовна,
доцент кафедры профессиональных дисциплин
Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук
aygul8@yandex.ru*

Не посягая на самостоятельное изложение хода российской истории, автором предпринята попытка передачи чувства народного пульса, бесспорно, направляющего течение государственных событий в то или иное русло. Утверждается, что первоначальное прикрепление крестьян привело к самосохранению Московской Руси, но со временем Русь не находила опоры в разрушенных ею же самой крестьянских общинах, которые ранее приходили ей на выручку в выполнении задач, имеющих государственное значение. Последующие проблемы Российского государства вытекают не из введения института крепостного права, а из драмы разрушения крестьянской общины, произошедшей в результате укоренения этого института.

Политическая жизнь Руси, естественно историческим образом идущая «снизу вверх, путем сложения частей в целое», происходила с многочисленными трагедиями, потому что разрушилась ее природная формула успеха. Государство уничтожило аксиому своего построения, сделалось тем самым «простым логическим отвлечением, не имеющим никакой органической связи со страной», о котором нам поведал А.Д. Градовский.

Ключевые слова: крепостное право, крестьянская община, аксиома построения Российского государства, А.Д. Градовский.

Serfdom and Peasant Communities as Antagonisms or Some Speculations over Russian State Building Axioms

*Chupilkina Aygul F.,
Assistant Professor of the Department of Professional Disciplines
of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

Without encroaching on independent overview of the Russian history, the author attempted to communicate the sense of the popular pulse, no doubt, a guide for state events in a particular direction. It is argued that the initial attachment of peasants led to the preservation of Moscow Russia, but Russia didn't find support in destroyed by the same peasant communities, which had previously come to her rescue in the performance of tasks of state importance. Subsequent problems of the Russian state did not derive from the introduction of the institution of serfdom, and of the drama of the destruction of the peasant community, which result from the establishment of this Institute.

The political life of Russia, the natural way coming "from the bottom up, by summing the parts into a whole", came with many tragedies, collapsed because of its natural formula of success. The state has destroyed the axiom of the creation, became the most "simple logical distraction, which has no organic connection with the country", which told us of A. D. Gradovsky.

Key words: serfdom, peasant community, axiom of construction of the Russian state, A. D. Gradovsky.

Ход истории молодого Московского государства и его права широкими мазками выглядит так: Иван IV Грозный и его опричный режим расстроили общественный порядок и

посеяли общее недовольство основной массы населения Древнерусского государства, что привело его к Смуте. В рамках разрушенной хозяйственной культуры Руси начались

новые витки закрепощения крестьян, что предопределило экономический уклад нашей страны на несколько веков вперед. Смута и разоренная Русь привели к престолу первого царя из династии Романовых, вплоть до восхождения на трон не последнего, но широко-масштабного проводника реформ, отменившего крепостничество, — Александра II.

Не посягая на самостоятельное изложение хода российской истории, однако, предпримем попытку передачи чувства народного пульса, бесспорно, направляющего течение государственных событий в то или иное русло.

Один из крупнейших мыслителей российской либеральной государственно-правовой науки конца XIX — начала XX в. А.Д. Градовский высказывался о невозможности представить себе правильно развившееся государство без тех организмов, которые дали ему существование: «Воспользовавшись услугами этих сил, государство должно сохранять их в эпоху своего могущества, как его главную основу. Без них государство делается простым логическим отвлечением, не имеющим никакой органической связи со страной»¹.

К числу таких организмов, существование которых не должно искорениться в государстве, А.Д. Градовский далее по тексту в своей известной докторской диссертации «История местного управления в России» относит провинцию. Конечно, в научном труде 1868 г. уже использовались термины, присущие словупотреблению того времени. Это касается и термина «провинция», введенного в государственно-правовую действительность Российской империи в 1719 г. в качестве административно-территориальной единицы в составе губернии. Логично было бы предположить, что в работе, посвященной местному управлению, провинция является одним из объектов исследования, что, собственно, и подтверждается далее в самом объяснении автора: «Провинцией историческою можно назвать организацию местности под влиянием общественных элементов, имеющих вполне самостоятельное существование, хотя бы даже они первоначально не выразились в форме провинции»².

Итак, подведем под один знаменатель: А.Д. Градовский в целом под теми организациями, которые дали возможность существо-

вать и правильно развиваться Российскому государству, понимает местность, крестьянские общины, местное самоуправление, независимо от того, как формы местной организации назывались на том или ином участке исторической действительности. Важно то, что для ученого местные организмы являлись своего рода точкой бифуркации всего государства, безотносительно, находятся они в самодержавном или демократически-ориентированном каркасе. И дефекты их конструкции приводят к сложному направлению всего хода политической жизни.

Похоже, что такое же сходство начал, оснований Руси подразумевал и В.О. Ключевский: «...на феодальном Западе политическая жизнь шла сверху вниз, путем дробления целого на части, а в удельной Руси обратно — снизу вверх, путем сложения частей в целое»³.

Прокладываем дорогу к той мысли, что сложный социальный кризис, к которому привели «варварские поступки»⁴ Грозного, разрушил один из базовых организмов Руси, являвшийся в государствометрическом масштабе той самой молекулой, обладавшей ее свойствами и составлявшей ее жизнь — крестьянское самоуправление.

Мы уже объясняли непосредственное влияние имеющейся системы местного управления на положение крестьянства в Московской Руси — того самого крестьянства, которое как раз и являлось фундаментом земледельчества и царской казны. И обосновывали тезис о том, что, несмотря на проведенную, по идейному обоснованию исключительно верную, земскую реформу Ивана IV, о ее положительных результатах на фоне морального и экономического разложения всего общества говорить не представляется возможным⁵.

Воздействуя политическим террором на княжат, было разрушено все, что было иерархически под этой знатью — территориальный (земельный) и человеческий фундамент. Вся трудовая масса Руси была сорвана со своей оседлости: в волостях — землевладельческая, в центральных московских городах — торгово-промышленная.

¹ Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. 1: Введение «Государство и провинция». СПб.: Печ. В. Головина, 1868. С. XI, XII.

² Там же. С. XIII.

³ Ключевский В.О. Дневник 1901–1910 гг. 26 декабря 1903 г. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1910_dnevnik.shtml

⁴ Флетчер Д. О государстве русском. М.: Захаров, 2002. С. 48.

⁵ Чупилкина А.Ф. Земская реформа Ивана Грозного: правовой прогресс или государственный регресс? // История государства и права. 2016. № 18. С. 9–13.

Немного отвлечемся от прошлого. Фундаментом экономически сильного государства является не широкая сеть монополий, а сформированный широкий слой малых и средних предпринимателей, являющихся самостоятельным и незаменимым звеном рыночной экономики, социальной опорой политической власти и всего государства в целом. Этот тезис стал почти универсальной формулой успеха экономики любого государства в конце II — начале III тысячелетия. Как на реализованный эталон сегодня можно сослаться на парламентскую республику Сингапур, в которой 99 % всех хозяйственных структур относятся к субъектам малого предпринимательства, обеспечивающим рабочими местами 70 % населения⁶.

Но если пристальнее приглядеться в глубь веков, то в политике «неразвития» экономики можно найти историческое объяснение именно в инволюции государственных атомов — крестьян (трудовой массы земледельчества) и ремесленников (городских элементов торгово-промышленной трудовой массы).

Взяв за ориентир один из обязательных в перечне словарных изданий XIX–XX вв. труд Д.Н. Ушакова, можно заметить, что термин «крестьянин» растолкован как «мелкий товаропроизводитель в сельском хозяйстве, владеющий средствами производства и непосредственно прилагающий свой труд в производстве»⁷. Из чего следует, что прообразом современных частных товаропроизводителей (аграриев) являлся именно крестьянин.

Именно крестьяне и ремесленники являлись главной народонасеяющей и товаропроизводительной составляющей местностей. Стержневыми местными классами можно назвать исключительно крестьянское и городское сословие, которое было сорвано с этих самых обетованных местностей в результате опричнины. Именно это явление, как «массовый крестьянский "выход"» из коренных областей государства, воспроизводил академик С.Ф. Платонов, описывая опустение Московского государственного центра, где трудовое население теряло личную свободу и не желало оставаться на таких местах.

⁶ Чупилкина А.Ф. Малое предпринимательство и экономика: исторические предпосылки и конституционно-правовой контекст современного состояния в России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 30.

⁷ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/843874>

В хозяйственных эпицентрах Руси пустовало огромное количество пахотной земли: в Московских землях — 40 %, в Новгородских — 92,5 %⁸. И это при том, что из оставшейся *востребованной* пашни примерно 37 % распределялись за монастырями, 17 % — за вотчинниками и 6 % — за помещиками.

Помимо внутреннего опричного террора, беспрестанная государственная оборона от внешних врагов, нарастившая поместную систему и извлекавшая все жизненные силы из крестьян, также критически воздействовала на городское малое торгово-промышленное население. Люди из гарнизонов, стоящих в посадах, в свободное от своих служебных обязанностях время занимались торговом и промыслами без уплаты податей. Что ставило предпринимательский исконно-посадский мир в неравно-затруднительное положение. Усугубляла ситуацию беспощадная монастырская торговля.

Следствием такой экономической политики был как раз массовый «выход» крестьян — со своих земель, и малого торгово-промышленного люда — из городов на окраины государства. По причине того, что люди большими числами покидали постоянные места жительства, в центре Московской Руси разрушились устоявшиеся институты крестьянского самоуправления и городских податных общин.

Говоря о масштабе социального бедствия нашего государства в конце XVI — начале XVII в., мы не могли обойти вниманием фундаментальную, предприимчивую часть городского населения. Это была прослойка людей, примерно равных крестьянам по экономическому состоянию и юридическому статусу. Между городскими и сельскими общинами пока не существовало законных разграничений, различий в административных условиях. Но далее мы немного отстранимся от города, поскольку у этих двух типов разная история развития: крестьянское самоуправление было построено на земских началах, у городской общины — история организма сословного. И после Смуты, после закрепощения правительство провело черту между сельскими и городскими сословиями в отношении их юридического статуса: прав, обязанностей и хозяйственной деятельности.

⁸ Платонов С.Ф. Смутное время. Очерки истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве в XVI–XVII вв. Пг., 1923. Гл. 1. [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_smutnoe_vremya.html#503

Итак, Юрьев день уже не являлся институциональным средством борьбы с «перевозом» крестьян. Что повлекло, как известно, появление урочных и заповедных лет как очередные витки крестьянского прикрепления.

Автор не стоит на позиции оправдания крепостного института. Но обращаем внимание на то, что крепостное право на раннем этапе имело, бесспорно, государственное, а не лично-помещичье значение и носило вынужденный характер!

Крестьяне являлись жизненными силами государства. Это особенно дало о себе знать в опричный, постопричный периоды и Смутное время. Первые хронологические даты закрепощения крестьян выпадают именно на эти годы: 1581, 1597, 1607. Массовый «выход» крестьян со своих земель представлял собой скорее не (как бы мы сейчас сказали) демографическую драму для центральной Руси, а драму внешне- и внутриполитическую, зерно которой крылось в обороноспособности государства. Обороноспособность, в свою очередь, — в боеспособности служилого сословия. В связи с «выходом» крестьянство перестало обеспечивать положение служилого класса, т. е. в связи с малолюдством земля прекратила приносить доход: «...малопоместному человеку не с чего было явиться на службу»⁹. Тот факт, что класс крупных землевладельцев (служилых и церковных) обладал большей экономической устойчивостью, не играл решающей количественной роли в формировании армии, но, в связи с переманиванием и принудительным «перевозом» крестьян (с особым масштабом на осенний Юрьев день), играл исключительно отрицательную роль в их неравномерном распределении среди землевладельцев.

Деятельность правительства опиралась на несвободное и закрепленное служилое сословие. На тот исторический отрезок времени служилый землевладелец являлся более крепостным, нежели свободный крестьянин.

Крестьянская же свобода тщательно охранялась государством. Приведем указывающие на это признаки.

Во-первых, это явствует из содержания Судебника, давшего больше юридической определенности личной свободе крестьян как членов общества.

Во-вторых, помимо Судебника, законодательство на протяжении многих десятилетий противилось закабалению крестьян в холопы.

В-третьих, община была самоуправляемой единицей и в этом юридическом (конституционно-муниципальном) выражении представляла собой экономическую ценность и удобство как самостоятельная и тяглая величина.

В-четвертых, и это вытекает из смысла прямых отношений правительства и крестьянских общин, правительство поручало общинам многие задачи, имеющие государственное значение: обращалось к общинам за проведением административных мер, ведением губных дел, финансового управления, полицейской деятельности. «Факт, слишком еще мало оцененный в нашей истории!»¹⁰ — восклицает по этому поводу А.Д. Градовский, но перед этим удивляется: «...странное... противоречие древней русской жизни — совмещение полного закрепления высших классов и сравнительно большая свобода крестьянства»¹¹.

В-пятых, имевший властные притязания класс бояр и дворян, по-видимому, являлся беспрестанным, не внушающим доверия раздражителем для власти центральной. Такая «классика жанра» во взаимоотношениях главы государства со следующим за ним в сословной иерархии ближайшим классом приводила к тому, что власть верховная отстранялась от посредничества боярства и дворянства.

Но абсолютно зависимое, закрепощенное служилое сословие, являющееся военизированной опорой правительства, нуждалось и требовало закрепления других классов в свою пользу.

В приведенных обстоятельствах перемещение крестьян как жизненных сил государства на «новые земли» становится критическим условием для безопасности государства. Тот факт, что люди уходили не совсем из государства, а на его новые завоеванные окраины — на Нижнее Поволжье и на Дикое поле черноземной полосы, не играл существенной роли. На старых местах разрушилась хозяйственная организация, а ведь именно на этих землях формировалась подавляющая масса служилого сословия, расположенная максимально близко к основному театру военных действий.

Профессор А.Д. Градовский ссылается на то, что «в первое время существования крепостного права никто не понимал... этой ме-

⁹ Платонов С.Ф. Указ. соч.

¹⁰ Градовский А.Д. Указ. соч. С. 132.

¹¹ Там же. С. 99.

ры правительства. Боярство было недовольно ею так же, как и крестьянство».

Кроме того, «во времена Судебников материальное положение крестьян было уже крайне жалко. Политика правительства, прямо или косвенно, сосредоточила всю землю в руках государства... Обезземеление крестьянства был печальный, но всеобщий факт XVI века. Вдумываясь в его значение, нельзя не прийти к заключению, что крепостное право было, может быть, еще хорошим исходом из этого положения вещей. Может быть, без него крестьян ожидало бы простое холопство, полное рабство. Мы видели выше, какие энергические меры принимал Судебник, чтобы остановить развитие этого страшного зла, как он охранял крестьян от холопства. Но что может сделать законодательство, если все условия экономической жизни противятся ему? Холопство принимало страшные размеры, и указ, закрепивший крестьян, спас их от худшей доли. Он сохранил по крайней мере человеческую личность, сделал крестьян частью земли, но не домашней вещью владельца, и эта мера, несмотря на все ее грустные стороны, дала впоследствии возможность *освободить крестьян с землею...*»¹².

Поэтому начальный этап крепостничества, выраженный в витках урочных и запovedных лет, является скорее потребностью государства в самосохранении, безальтернативностью вариантов выхода из социального и экономического кризиса, нежели нарочитой демонстрацией своего мрачного лица.

Мы говорим именно о начальном этапе института прикрепления, поскольку он существенно отличался по мотивации и по форме от этапов последующих. И если в раннем своем развитии, около 1591 г., «оно было принято... как лекарство», то затем, как подоживает этот процесс И.Д. Беляев в своем знаменитом произведении «Крестьяне на Руси»: «Первой ревизией Петр Великий за один раз поравнял крестьян, членов русского общества, с полными холопами, составлявшими частную собственность своих господ... По второй ревизии, при Елизавете Петровне... крепостное состояние развилось в огромных размерах. ...Некоторыми указами Екатерининского времени... закон как бы во все отступился от крепостных людей и предоставил их совершенному и безграничному произволу владельцев»¹³.

Но если на раннем этапе имеется государственное «оправдание» этому обратительному недугу, то необходимо разглядеть и то, что обелить никак невозможно — крестьянская крепость дополнительно разрушала крестьянское самоуправление. Несвободное лицо может являться элементом управляемым, но несамоуправляющимся.

В своих "Дневниках" В.О. Ключевский трактует историю как процесс не логический, а народно-психологический, и в нем «основной предмет научного изучения — проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общезжитием»¹⁴. И психологически в народе институт крепостного права, приведший к драме разрушения привычной формы жизни — крестьянской общины, как раз ввергнул в упадок человеческий дух — бестелесную часть человека, являющуюся скорее категорией философии права. Однако именно эта категория позволяет нам иметь «свободную волю» и способность чувствовать, любить, выбирать, преодолевать, творить и побеждать.

Черные крестьяне сохраняли институт самоуправления, но в сильно измененном виде.

Пошел взаимообратный процесс, весьма противоречивый. И можно призадуматься о том, какой же имел более тяжелые последствия для молодого государства? Вполне вероятно, прикрепление крестьян привело к самосохранению государства, но со временем государство не находило опоры в разрушенных им же самим (не нарочито, но исподволь) крестьянских общинах, которые ранее приносили ему на выручку.

Политическая жизнь Руси, естественно-историческим образом идущая «снизу вверх, путем сложения частей в целое», на тот исторический момент происходила с внутренними брожениями, с многочисленными драмами, потому что разрушилась ее природная формула успеха. Государство уничтожило аксиому своего построения, сделалось тем самым «простым логическим отвлечением, не имеющим никакой органической связи со страной»¹⁵, о котором так прозорливо поведал нам А.Д. Градовский в своем научном исследовании.

¹² Градовский А.Д. Указ. соч. С. 137, 138.

¹³ Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском

обществе. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1903. С. 305, 306.

¹⁴ Ключевский В.О. Указ. соч.

¹⁵ Градовский А.Д. Указ. соч. С. XII.

Литература

1. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / И.Д. Беляев. М. : Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1903. 306 с.
2. Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. 1 : Введение «Государство и провинция» / А.Д. Градовский. СПб. : Печ. В. Головина, 1868. 527 с.
3. Ключевский В.О. Дневник 1901–1910 гг. 25 февраля, 26 декабря 1903 г. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1910_dnevnik.shtml
4. Платонов С.Ф. Смутное время. Очерки истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве в XVI–XVII вв. / С.Ф. Платонов. Пг., 1923. Гл. 1. URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_smutnoe_vremya.html#503
5. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : 1935–1940. Крестьянин. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/843874>
6. Флетчер Д. О государстве русском / Д. Флетчер. М. : Захаров, 2002. 169 с.
7. Чупилкина А.Ф. Земская реформа Ивана Грозного: правовой прогресс или государственный регресс? / А.Ф. Чупилкина // История государства и права. 2016. № 18. С. 9–13.
8. Чупилкина А.Ф. Малое предпринимательство и экономика: исторические предпосылки и конституционно-правовой контекст современного состояния в России / А.Ф. Чупилкина // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 29–34.

Особенности обычно-правового положения женщины у пермских народов в XVIII–XIX вв.*

Плоцкая Ольга Андреевна,

доцент кафедры теории государства и права и основ правоведения

Сыктывкарского государственного университета

имени Питирима Сорокина,

член-корреспондент Международной академии образования,

кандидат юридических наук, доцент

olga.plockaya@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей обычно-правового положения женщины у пермских народов в период с XVIII по XIX вв. Представлен перечень прав, обязанностей, а также запретов, существовавших у пермских женщин в рассматриваемый период. Особое внимание уделяется анализу архивных документов, фактологического материала из юридической, исторической, этнографической литературы.

Ключевые слова: правовой обычай, правовое положение женщины, коми, удмурты, пермские народы, архивные документы, запреты.

Peculiarities of Woman's Customary Law Status in the Permian Peoples in XVIII – XIX Centuries

Plotskaya Olga A.,

Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law and Legal Methods

of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,

Corresponding Member of the International Academy of Education,

Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

The article is dedicated to the research of peculiarities of a woman's customary law status in the Permian peoples in the XVIII – XIX centuries. The author gives a list of rights, obligations of and prohibitions imposed on the Permian women within the reviewed period. Special attention is paid to the analysis of archives and facts from the legal, historical, ethnographic literature.

Key words: legal status, the legal status of women, komi, udmurts, perm peoples, archival documents, prohibitions.

Научная проблематика правового положения женщины у пермских народов в XVIII–XIX вв., регулируемого обычным правом, сегодня представляет определенный интерес. Помимо историко-правового аспекта особое значение данный вопрос приобретает для понимания современных тенденций, в том числе и правовых, характерных не только для коми, удмуртов (пермских народов), но и для других представителей народов, проживающих на территории Севера и Арктической европейской зоны России. В связи с этим исследование особенностей обычно-правового положения женщины у пермских народов в XVIII–XIX вв. в обычном праве как право-

вого явления, наделенного этническим обычно-правовым колоритом, а также отражающего детали правовой этнической ментальности, имеет теоретическое и практическое значение.

В отечественной науке существует множество исторических, этнологических исследований, раскрывающих некоторые элементы обычно-правового мира пермских народов, в том числе частично касающиеся ряда аспектов обозначенной проблемы¹. В отличие от

¹ Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998. 26 с. ; Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми, проект № 14-13-11001а(р) «Этно-правовой мир коми (зырян)».

пермских народов особенности обычно-правового положения женщины более детально изучены современными учеными у других российских народов, к примеру у кавказских народов, не только в рамках историко-этнологических исследований, но и в историко-правовом направлении². Несмотря на то что правовой быт пермских народов всегда привлекал внимание исследователей, комплексное изучение интересующей нас проблемы не составляло самостоятельного предмета научного рассмотрения.

Архивные документы свидетельствуют о том, что женщина у пермских народов могла не только получать в наследство недвижимость («от покойного родителя и предков моих достался мне во владение... сенные покосы»³, «после покойного родителя нашего... осталось недвижимое имение, находящееся в городе Устьсысольск... к которому мы засмертию его состоим наследни-

цами...»⁴; «1856-го года... дал сие крепостное завещание родным своим детям рожденным от второго брака сыновьям... и дочерям... и законной жене второбрачной... я Латкин... по смерти моей означенным моим детям и жене своей... в полное их распоряжение...»⁵), но и полностью распоряжаться ею, например продать. «Лета 1866 года... девица... продала недвижимое имение, состоящее внутри выгонной земли города Устьсысольска пожню, луг, доставшееся мне по наследству от родителя моего...»⁶.

Более того, в ряде случаев отец мог передать половину своего движимого и недвижимого имущества в качестве наследства незамужней дочери, несмотря на то, что у него был сын, который наследовал вторую половину имущества: «В прошлом 1788-м году, отец мой... дочеря своей а моей сестре родной... духовное письмо, что владеть ей движимым и недвижимым имением и скотом половиною частию...»⁷.

По мнению Д.В. Вишняковой, в общине женщина-крестьянка «обладала достаточными правами, она могла высказывать свое мнение при решении мирских проблем, решать семейно-хозяйственные дела»⁸. Хотя, как правило, на общинных сходах интересы женщины представлял ее муж, обладавший правом голоса. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбова отмечают, что «женщины коми (особенно коми-зырянки), несмотря на то, что не имели права голоса на сходах, не получали полного надела земли, а в некоторых районах (Ижма, Удора) им не полагалось сидеть за столом в присутствии гостей-мужчин, были достаточно свободны и самостоятельны»⁹. Удмуртская женщина также «сумела сохранить, в известной, конечно, мере, свое равноправие»¹⁰.

правовое регулирование во второй половине XIX — начале XX вв. // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность : сб. ст. Сыктывкар, 2014. С. 17–24 ; Ее же. Матримониальное поведение населения Европейского Северо-Востока России в XIX — начале XX вв.: гендерные характеристики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. Ч. I. № 6 (20). С. 62–66 ; Вишнякова Д.В., Семенов В.А. Брачность населения Европейского Северо-Востока России во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4. С. 87–93; Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчины и женщины в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009. 224 с.; Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбова. М., 2000. 579 с.; Никитина Г.А. Нормативные ценности удмуртского крестьянства в контексте мирской юрисдикции // История государства и права. 2011. № 8. С. 7–10 ; Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб., 1992. 152 с.; и др.

² См., напр.: Сайдумов Д.Х. Чеченская женщина и ее общественно-правовой статус в традиционном обществе (в прошлом и на современном этапе) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 91–97 ; Сайдумов Д.Х., Нинчиева Т.М., Алихаджиева А.С. Семейно-правовые отношения в чеченском обществе // Северо-кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 45–52 ; Исмаилов М.А., Багомедова Л.С. Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть — механизм действия и принцип реализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 41–50 ; и др.

³ Прощение крестьянской женки 1830 г. № 108 // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8.

⁴ Дело Устьсысольского Уездного Суда «Попрошению дочерей умершего Дякона...» 1873 год // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1570. Л. 1.

⁵ Книга на записку духовных завещаний, представляемых разными лицами для засвидетельствования на 1856 год // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 3 об. – 4.

⁶ Дело Устьсысольского Уездного Суда «Попрошению Устьсысольского 2-й гильдии купца...» 1866 г. // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8.

⁷ Дело по прошению устькуломского селения крестьянина <...> от 6 октября 1813 г. // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

⁸ Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX — начале XX вв. ... С. 21.

⁹ Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты... С. 117.

¹⁰ Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 189.

Свободное положение женщины, по мнению С.В. Мартынова, доставалось ей большой ценой: «...пресловутая самостоятельность и высокое положение женщины в Печорском крае, где она является не безответной рабой мужа, а полноправным членом семьи, покупается очень дорогой ценой и отражается на ее здоровье»¹¹.

Необходимо отметить, что зависимость женщины от мужа не являлась абсолютной: в период отсутствия супруга, например из-за его ухода на промыслы, у коми жена «фактически становилась главой семьи»¹². Она часто оставалась «самостоятельной домохозяйкой», так как решение всех хозяйственно-бытовых, земельных вопросов ложилось на ее плечи в случае долгого (иногда многомесячного) отсутствия супруга. По мнению В.Н. Добрянского, «эта самостоятельность приобреталась ценой исключительно тяжелого труда, но зато он же обеспечил зырянке известную долю уважения и независимости и избавил ее от презрительного отношения со стороны мужского населения, которое испытывают на себе ее ближайшие соседки, самоедка и остячка»¹³.

В. Кошурников также отмечает достаточно высокий статус вотской замужней женщины: «С выходом в замужество Вотячка... становится верною подругою мужа, — говорю подругою, потому что здесь женщина не испытывает семейного разлада и приниженного положения, как это бывает в русской крестьянской семье; она несет свою ношу трудов, правда тяжелую, под говор и ласки доброго мужа»¹⁴.

Женщине отводилась важная роль в воспитании детей, при этом она старалась следовать обычно-правовым, моральным нормам, существовавшим в обществе, сохранить и передать им родной язык и культуру и минимизировать влияние иноэтнической культуры. Обладая родительской властью матери и нравственным авторитетом у собственных детей, она имела право требовать от них уважительного отношения к себе и послушания. Кроме того, она поддерживала родственные

связи, организовывала семейные праздники, проводила ритуалы. Мужчина в этих сферах ее не ограничивал.

П.М. Богаевский отмечал «хорошее положение вотяцкой женщины»¹⁵ в семье: женщины имели особые места на молениях, муж часто советовался с женой, а их совместные дети оказывали одинаковый почет и отцу, и матери. По его сведениям, «женщина может стоять и во главе семьи, что, впрочем, бывает редко...»¹⁶.

Женщины, по мнению Н. Добротворского, были свободны и самостоятельны, «хотя не имели права быть на сходах и подавать свой голос в делах общественных»¹⁷.

Находясь в статусе жены, женщина могла участвовать в развитии «бизнеса» супруга. Используя юридические знаки собственности (пасы), она могла принимать товар как полноправный хозяин; обладала правом обычно-правовой фиксации принятого товара, например, при учете товара, поступившего в магазин супруга: «Если кто занимается, например, хлебной торговлей и во время отлучки хозяина привезет хлеба, жена его отмечает принятый хлеб на бирке, длиной с вершок, и такая бирка раскалывается по полам; одну половинку она оставляет у себя, а другую вручает вместо ярлыка привезшему хлеб»¹⁸.

Жена и дети обладали правом пользования всем общим семейным имуществом. У пермских народов замужняя женщина могла распоряжаться по своему усмотрению денежными средствами, которые получала от продажи продуктов питания, холста, шерсти, льна, кумышки собственного производства, яиц, конопляного или льняного семени и т.д. и собственного приданого¹⁹. Приобретая имущество на свои, а не на общие семейные деньги, она и распоряжалась им полностью. Если в качестве приданого женщина получала скот, то муж не распоряжался подобным имуществом²⁰, так как приданое имело особый

¹¹ Мартынов С.В. Печорский край: очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905. С. 62.

¹² Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX — начале XX вв... С. 21.

¹³ Добрянский В.Н. Женщина коми (зырянка). М., 1928. С. 14.

¹⁴ Кошурников В. Быт Вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк. Казань, 1880. С. 10.

¹⁵ Богаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков // Материалы по этнографии, издаваемые при Дашковском этнографическом музее : сб. науч. ст. М., 1888. Вып. III. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Добротворский Н. Пермские. Бытовой этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. Т. 2. Кн. 3. С. 565.

¹⁸ Верещагин Г.Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 : Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск, 1996. Т. II. С. 69.

¹⁹ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. М., 1958. С. 285–286.

²⁰ Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // Вопросы социально-экономи-

правовой режим и являлось полностью ее собственностью.

Существовала система запретов для женщин, предписывавших ей линию поведения. Также были распространены обычно-правовые требования к поведению женщины в отношениях со старшими родственниками. «Сноха своему свекру не должна показывать ни босых ног, ни волос...»²¹ П.С. Паллас в своей работе упоминает о подобных табу у вотяков, в поведенческой модели женщины по отношению к старшим родственникам-мужчинам и посторонним людям, зашедшим в гости: замужней женщине предписывалось появляться перед ними только в закрытой одежде и обязательно в головном уборе (айшуне)²².

Если глава семьи встречал гостей как полноправный хозяин, то женщине не позволялось сидеть за общим столом в присутствии гостей-мужчин. «Женщина в вотском семействе, как и в татарском не садится за общий стол, а где нибудь в стороне, в углу, на лавке, вместе с детьми; обычай этот к ним привился едва-ли не от татар в кругу которых вотяки частью живут в Глазовском, Сарапульском и Елабужском уездах»²³. Эти ограничения были связаны с той ролью, которую женщина выполняла в домашнем хозяйстве: «Прежде всего, на нее ложатся все домашние работы по уходу за избой и скотным двором... Если на Печоре живут, сравнительно, очень опрятно, и избы моются два раза в неделю, то это покупается ценою непрерывной работы женщины, отражающейся на ее здоровье. Скотный двор убирать приходится каждый день, что представляет работу тяжелую и очень грязную... Кроме того, на печорской женщине лежат и все полевые работы»²⁴. Помимо этого она была обязана помогать мужу в хозяйственных делах.

Н.П. Павлов отметил существовавшие ограничения в отношении женщин и детей:

ческого и культурного развития Удмуртии в XVII — первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 44.

²¹ Верещагин Г.Е. Указ. соч. С. 35.

²² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3: Половина 2. С. 32.

²³ Блинов Н. Вотяки Вятской губернии (Продолжение) // Вятские губернские ведомости. 1856. № 10. С. 67.

²⁴ Мартынов С.В. Указ. соч. С. 60–61.

«Не имели права участия в управлении делами общины женщины и совершеннолетние дети в семье. Сход считался действительным и законным лишь в том случае, если на нем присутствует сельский староста. Без него сход не мог состояться даже при том случае, если на него явились все домохозяйства»²⁵.

Д.Н. Островский отмечает, что женщина у пермских народов «пользуется большею свободой, чем у Русских»²⁶.

Уважение народа по отношению к женщине-жене отражают удмуртские пословицы: «Жену бьешь — сам себя бьешь», «Весь дом обхаживает женщина»²⁷.

Таким образом, у коми и удмуртов женщина в семье не была бесправной, несмотря на утверждения ряда исследователей. Обычно-правовой статус замужней женщины имел двойственный характер: с одной стороны, она подчинялась супругу и старшим родственникам, находясь в большой семье, с другой стороны, это подчинение не было абсолютным — она имела высокий экономический и социальный статус. Она не только обладала принадлежавшим ей имуществом, то есть приданым и всем тем, что она производила и изготавливала в процессе совместной семейной жизни, но и имела право самостоятельно распоряжаться им как личным. Приданое и производимое женщиной имущество выделялись из общего семейного имущества в отдельный разряд. Ю.В. Александров очень четко подметил, что «через обособленное внутри семьи личное имущество женщины проявляется довольно высокий в экономическом отношении их правовой статус»²⁸. Женщина часто оставалась самостоятельной хозяйкой, муж с ней советовался, а она в свою очередь была ему первой помощницей, но соблюдала систему традиционных запретов.

²⁵ Павлов Н.П. Об исторической динамике общественного самоуправления на селе // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. : сб. ст. / отв. ред. В.Е. Майер. Устинов, 1985. С. 71.

²⁶ Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1873. Т. IV. № 1. С. 26.

²⁷ Герд К.П. Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки. Кн. I : Сборник по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. М., 1926. С. 52.

²⁸ Александров Ю.В. Указ. соч. С. 217.

Литература

1. Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю.В. Александров. Ижевск, 1998. 238 с.
2. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. / В.Н. Белицер. М., 1958. 391 с.
3. Блинов Н. Вотяки Вятской губернии (Продолжение) / Н. Блинов // Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1856. № 10. С. 66–67.
4. Богаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков / П.М. Богаевский // Материалы по этнографии, издаваемые при Дашковском этнографическом музее: сб. науч. ст. М., 1888. Вып. III. 64 с.
5. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Г.Е. Верещагин. Ижевск, 1996. Т. II. 203 с.
6. Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX — начале XX вв. / Д.В. Вишнякова // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность: сб. ст. Сыктывкар, 2014. 206 с.
7. Вишнякова Д.В. Брачность населения Европейского Северо-Востока России во второй половине XIX — начале XX в. / Д.В. Вишнякова, В.А. Семенов // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4. С. 87–93.
8. Вишнякова Д.В. Матримониальное поведение населения Европейского Северо-Востока России в XIX — начале XX вв.: гендерные характеристики / Д.В. Вишнякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. Ч. I. № 6 (20). С. 62–66.
9. Герд К.П. Пословицы и поговорки вотяков / К.П. Герд // Вотяки. Кн. I: Сборник по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. М., 1926. 84 с.
10. Добротворский Н. Пермьяки. Бытовой этнографический очерк / Н. Добротворский // Вестник Европы. 1883. Т. 2. Кн. 3. С. 544–580.
11. Добрянский В.Н. Женщина коми (зырянка) / В.Н. Добрянский. М., 1928. 32 с.
12. Ильина И.В. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми / И.В. Ильина, О.И. Уляшев. Сыктывкар, 2009. 224 с.
13. Исмаилов М.А. Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть — механизм действия и принцип реализации / М.А. Исмаилов, Л.С. Багомедова // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 41–50.
14. Кошурников В. Быт Вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк / В. Кошурников. Казань, 1880. 46 с.
15. Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии / В.Е. Майер // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII — первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. 39 с.
16. Мартынов С.В. Печорский край: очерки природы и быта. Население, культура, промышленность / С.В. Мартынов. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. 276 с.
17. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбова. М., 2000. 579 с.
18. Никитина Г.А. Нормативные ценности удмуртского крестьянства в контексте мирской юрисдикции / Г.А. Никитина // История государства и права. 2011. № 8. С. 7–10.
19. Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии / Островский Д.Н. // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1873. Т. IV. № 1. 48 с.
20. Павлов Н.П. Об исторической динамике общественного самоуправления на селе / Н.П. Павлов // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: сб. ст. / отв. ред. В.Е. Майер. Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1985. 130 с.
21. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / П.С. Паллас. СПб., 1788. Ч. 3: Половина 2. 41 с.
22. Сайдумов Д.Х. Семейно-правовые отношения в чеченском обществе / Д.Х. Сайдумов, Т.М. Ниндиева, А.С. Алихаджиева // Северо-кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 45–52.
23. Сайдумов Д.Х. Чеченская женщина и ее общественно-правовой статус в традиционном обществе (в прошлом и на современном этапе) / Д.Х. Сайдумов // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 91–97.
24. Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян) / В.А. Семенов. СПб., 1992. 152 с.
25. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск, 1993. 392 с.

Становление и развитие полицейской системы имперской России

Нижник Надежда Степановна,
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
n.nishnik@bk.ru

Нудненко Лидия Алексеевна,
профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник Высшей профессиональной
школы Российской Федерации
nidnenko@rambler.ru

В материале представлен обзор XIV Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». Приведены точки зрения докладчиков, в заключение делается вывод о работе конференции.

Ключевые слова: полицейская система, имперская Россия, российская полиция, конференция.

Establishment and Development of Police System in the Russian Empire

Nizhnik Nadezhda S.,
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Law, Professor

Nudnenko Lidia A.,
Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional School of the Russian Federation

The article presents a review of the XIV International Scientific and Theoretical Conference “State and Law: Evolution, Current Status, Development Perspectives (Towards 300th Anniversary of Russian Police)”. The authors give the speakers’ points of view; summarize the work of the conference in the conclusion.

Key words: police system, the Russian Empire, the Russian police, conference.

Рост интереса к истории российской полиции в последнее время связан с приближающейся 300-летней годовщиной ее образования¹. Различным этапам истории полиции и

(навстречу 300-летию российской полиции)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 214–218 ; Нижник Н.С., Щепкин С.С., Демидов А.В., Семенова О.В. Научный форум, посвященный 300-летию российской полиции (о Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)») (г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 218–226 ; Нижник Н.С., Стоцкий А.П.,

¹ Нижник Н.С., Стоцкий А.П., Федоринова Е.А., Карчевская Н.И. Молодые исследователи — юридической науке: об участии слушателей, курсантов и студентов в международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития

полицейской деятельности было уделено значительное внимание на прошедшей 27–28 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России XIV Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». На конференции о результатах своих научных исследований доложили известные ученые и молодые исследователи из России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Молдовы.

На конференции был обсужден широкий круг вопросов, в числе которых: характеристика российской полиции как органа управления внутренними делами государства; становление полицейско-правовой теории и определение ее места в истории учений о праве и государстве; ретроспективный анализ организации и деятельности полиции Российской империи, милиции Временного правительства и советской милиции; характеристика основных направлений деятельности полиции Российской Федерации; правовой статус органов и лиц, осуществляющих полицейскую деятельность на различных этапах исторического развития отечественного государства; проблемы формирования партнерских взаимоотношений между полицией и гражданским обществом; проблемы формирования правовой культуры сотрудников полиции; проблемы профессиональной подготовки сотрудников полиции; роль общественного мнения как критерия определения эффективности деятельности полиции;

особенности организации и функционирования полицейских систем зарубежных стран; международное сотрудничество органов, осуществляющих полицейскую деятельность. Результатом обсуждения проблем стали четыре тома материалов конференции².

Важное место среди вопросов, обсужденных на конференции, заняли проблемы становления и развития полицейско-правовой теории. Организатор конференции — начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, профессор **Н.С. Нижник** отметил, что в становлении и развитии российской полицистики можно выделить несколько этапов (XVII–XVIII вв.; XIX в. — середина XIX в.; середина XIX в. — начало XX в.), что российская полицистика внесла важный вклад в развитие теории правового государства и вопросов обеспечения законности в области государственного управления, в формирование представлений о механизмах защиты прав и свобод граждан и административной юстиции. Н.С. Нижник подчеркнула, что в последние годы отечественная полицейско-правовая теория вызывает интерес исследователей, в числе которых исследователи Санкт-Петербургского университета МВД России.

Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор **А.А. Дорская** обратила внимание на особенности становления в России полицейского права как науки и учебной дисциплины. Подчеркнув, что полицейские государства в XVIII в. обладали обширными полицейскими полномочиями, А.А. Дорская обратила внимание на то, что полицейское право как наука включала в себя различные вопросы в сфере внутрен-

Федоринова Е.А., Карчевская Н.И. Научный форум молодых исследователей, посвященный 300-летию полиции России (часть II) (о Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)») // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 210–214; Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9; Нижник Н.С., Щепкин С.С., Демидов А.В., Семенова О.В. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) (ч. II) (о Международной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 214–222; Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 1. С. 111–117.

² Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // Материалы XIV Международной научно-теоретической конференции (г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г.): сб. науч. ст. / под ред. Н.С. Нижник : в 2 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017 ; Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // Материалы Международной научно-теоретической конференции молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2017 г.): сб. науч. ст. / под ред. Н.С. Нижник : в 2 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017.

него управления. Развитие полицейской деятельности влекло за собой и необходимость осмысления ее результатов, что способствовало развитию науки полицейского права и введению в образовательный процесс при подготовке юристов учебной дисциплины «Полицейское право».

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент **Н.Н. Зипунникова**, обратившись к истории полицейского права Российской империи, подчеркнула, что в ходе развития отечественной науки полицейского права сложился один из канонов в структурировании полицейской деятельности государства, предусматривающий выделение «полицейского благосостояния» («полицейского благоустройства»). В условиях полисистемности образования и науки в Российской империи отечественные ученые, создавая учебные курсы полицейского права, по-разному наполняли его раздел «Полиция благоустройства».

Особый интерес участников конференции вызвал доклад профессора кафедры источниковедения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук **Д.И. Раскина**, который акцентировал свое внимание на проблемах взаимоотношений полиции и гражданского общества в дореволюционной России. В рамках «регулярного государства», подчеркнул Д.И. Раскин, и административно-полицейские учреждения, и система органов сословного и местного самоуправления, и первые общественные организации создавались сверху, причем по замыслу законодателя (в первую очередь Екатерины II). Тесное взаимодействие этих органов закреплялось законодательно. Власть поощряла развитие создаваемых по ее инициативе общественных организаций (например, Вольного экономического общества). Административно-полицейские учреждения активно взаимодействовали с приказами общественного призрения, сословными органами опеки, а также такими полуобщественными учреждениями, как добровольные пожарные общества, «Императорское человеколюбивое общество», «Императорское русское географическое общество». Взаимодействия административно-полицейских органов с различного рода обществами в сфере совершенствования городской инфраструктуры и коммунальной политики, обществами пропаганды здорового образа жизни (спортивными), обществами

социальной защиты (благотворительными), обществами памяти и отчасти медицинскими и экономическими, констатировал Д.И. Раскин, имели конструктивный характер. Более конфликтно развивались эти отношения с просветительскими и национальными, а также зачастую с педагогическими обществами. Отношения с объединениями деятелей литературы и искусства и научными обществами носили в основном нейтральный характер.

Характеризуя основные этапы истории полицейской деятельности, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук (Москва) кандидат юридических наук, профессор **Н.Н. Ефремова** обратила внимание на то, что охрана общественного порядка как задача органов публичной власти территориально-организованного сообщества людей возникла уже в догосударственный период и осуществлялась в комплексе традиционно неразделяемых функционально и институционально направлений социально-политического управления наряду с финансово-административной и судебной деятельностью. Полицейская деятельность, отметила Н.Н. Ефремова, до начала XVIII в. осуществлялась в контексте административного управления и совмещалась с финансово-административной и судебной деятельностью государственных органов.

Посвятив свое исследованию оформлению полицейской деятельности в российском законодательстве в допетровский период, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук **А.Н. Ларионов** отметил, что охрана общественного порядка и борьба с преступностью были свойственны государственному аппарату с самого начала его возникновения. Окончательное организационное оформление полицейской системы Российского государства, причем в самой демократической форме за всю историю ее существования, было произведено Соборным уложением 1649 г. А.Н. Ларионов пришел к выводу, что петровские преобразования завершили историю губной полиции, построенной на принципах выборности и относительной автономности, практически несовместимых с новой концепцией построения государственного аппарата.

Важным инструментом осуществления полицейской деятельности в Российской империи соискатель кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского уни-

верситета МВД России **Л.А. Гогенко** сочла институт генерал-губернаторов. Она охарактеризовала его как структурный элемент Министерства внутренних дел. С 1802 г. губернаторы и генерал-губернаторы должны были подчиняться МВД. Перед министром внутренних дел В.П. Кочубеем была поставлена непростая задача: ему предстояло ликвидировать все пережитки организационной и структурной автономии аппаратов генерал-губернаторов, которая при Екатерине II и Павле I достигла значительных масштабов. Первым шагом по становлению системы фактического министерского контроля над губернаторами и генерал-губернаторами стало издание циркуляра МВД от 19 сентября 1802 г., которым определялись правила взаимоотношений губернаторов с министром внутренних дел и подтверждалась фактическая утрата части их самостоятельности. Экспериментом в поиске оптимальной модели взаимодействия МВД и губернаторов стало создание в 1819 г. Рязанского генерал-губернаторства, в которое вошли Орловская, Тамбовская, Рязанская, Тульская и Воронежская губернии. Первым генерал-губернатором нового округа стал А.Д. Балашов. Эксперимент получил неоднозначную оценку современников.

К вопросам осуществления административно-полицейских функций остзейского генерал-губернатора на территории Псковской губернии обратился доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Егоров**, который подчеркнул, что в первой половине XIX в. институт генерал-губернаторства стал одним из объектов проводившейся в Российской империи реформы государственного управления. Отдельные губернаторы становились в непосредственное подчинение генерал-губернатору, а те, в свою очередь, — императору. Через гражданских губернаторов в ведение генерал-губернатора попадала и полиция вверенных ему губерний. Нормативно-правовое разграничение компетенций генерал-губернаторов и местных губернских властей в административно-полицейской сфере не отличалось четкостью. Именно это оказало влияние на недостаточно эффективную реализацию административно-полицейских функций генерал-губернатора на территории Псковской губернии.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета, доктор юри-

дических наук, доцент **С.Н. Жаров** в своем докладе обратил внимание на истоки формирования методов розыска в сысской полиции Российской империи, охарактеризовал содержание различных оперативно-розыскных мероприятий, используемых сысской полицией Российской империи при расследовании уголовных преступлений, и подчеркнул важность инициативы в процессе создания органов уголовного сыска в Российской империи в конце XIX — начале XX в. руководителей этих органов и даже непосредственных исполнителей (сыщиков) в деле изобретения форм и методов получения информации о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях.

Доцент кафедры государственного строительства и права Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, доцент **К.Л. Яковлев** обратил внимание участников конференции на нормативные основы контрольной деятельности полиции за безопасностью дорожного движения в XVIII–XIX вв. К.Л. Яковлев отметил, что первые правовые акты, регулировавшие правила движения на улицах и устанавливающие ответственность за их нарушение, появились в России еще в XVII в. Первый прообраз современных Правил дорожного движения — «Наставление старостам извозчичьим и извозчикам» от 18 апреля 1812 г. К середине XIX в. уже сложились правила дорожного движения, контроль полиции за обеспечением его безопасности осуществлялся на правовой основе. В числе норм дорожного движения были закреплены: правостороннее движение, ограничение скорости и рядности, определение мест стоянки экипажей, требование их технической исправности, наличие номерных знаков и т. п. Формировалась отечественная транспортная система, в которую вошли такие составляющие, как производство средств передвижения, дорожная инфраструктура и организация контроля государственных органов в лице полиции за безопасностью дорожного движения.

Профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент **К.П. Краковский** рассмотрел особенности совмещения земскими начальникам административных и судебных функций. Исследуя правоприменительную практику земских начальников,

К.П. Краковский пришел к выводу, что передача дела правосудия в руки администратора, да еще наделенного полицейскими функциями, является неоправданным злом и не может быть обоснована никакими соображениями целесообразности. По его мнению, это должны иметь в виду и современные творцы «вялотекущей» судебной реформы, и проектанты административной юстиции.

Заместитель начальника кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент **Ч.Н. Ахмедов** и профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент **А.Б. Федоров** сосредоточили свое внимание на проблемах становления и деятельности института земских участковых начальников в Российской империи. Докладчики отметили, что институт земских участковых начальников был создан в период правления Александра III на основании «Положения о земских участковых начальниках» 1889 г. С появлением земских начальников был ликвидирован институт мирового суда. Одним из сторонников создания земских участковых начальников был министр внутренних дел Д.А. Толстой. Несмотря на массу проблем в организации и деятельности, институт земских начальников выполнял важную государственную функцию и стоял на защите публичных и частных интересов.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета кандидат юридических наук, доцент **Р.И. Байгутлин** охарактеризовал нормативные основания деятельности в Российской империи сотских и десятских. Первые упоминания о сотских и десятских встречаются в X–XI вв. Нормативную основу деятельности сотских и десятских в Российской империи составили «Положение о земской полиции», «Наказ чинам и служителям земской полиции» и «Положение о земской почте». Положение легализовало сложившуюся практику закрепления за дворянскими заседателями нижнего земского суда участка-дистанции, введения должности становых приставов. С учетом этой новации были уточнены организация, порядок деятельности и компетенция земской полиции и ее чинов. Качество законодательной регламентации правового статуса служителей земской полиции и организации их деятельности, считает Р.И. Байгутлин, было достаточно высоким и требовало лишь

определенной разъяснительной работы и только в исключительных случаях — казуальной коррекции некоторых нормативных положений.

Как одно из направлений полицейской деятельности в Российской империи преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина кандидат юридических наук **С.Ю. Дергилева** рассмотрела управление железнодорожными и речными путями сообщения, подчеркнув, что опыт, накопленный российской полицией в обеспечении транспортной безопасности в имперской России, может быть использован и в современных условиях.

Обратив свое внимание на проблему взаимодействия полиции и общества в имперской России, доцент кафедры теории и истории государства и права Курганского государственного университета, кандидат юридических наук **И.В. Евсеев** проанализировал использование выборных представителей общественности для исполнения полицейских функций в селениях Урала в XVIII–XIX вв. Докладчик подчеркнул, что роль выборных для исполнения полицейских функций представителей общественности (волостной голова, староста, сотский, старшина, десятский в поселках уездов, волостей, станов и участков) в Российской империи была велика, и предложил рассмотреть вопрос о возвращении в сферу обеспечения правопорядка современной России подобных структур, которые позволят экономить бюджет и дадут возможность гражданам обеспечивать правопорядок на территории поселков, кварталов, улиц.

Профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета кандидат философских наук, доктор культурологии, доцент **А.И. Арзуманов** обратил внимание на взаимодействие правоохранительных органов и институтов самоуправления инородцев Восточной Сибири в первой половине XIX в. К нормативным правовым актам, регулировавшим организацию и деятельность административных и правоохранительных органов в Восточной Сибири, относятся «Инструкция или Наказ Воеводам» 1719 г., «Наказ Губернаторам и Воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» 1728 г., «Учреждение для управления губерний всероссийской империи» 1775 г. В XIX в. для управления Сибирью был принят ряд нормативных правовых актов, разработанных под руководством М.М. Сперанского

и лежащих в основе государственного регулирования регионом — «Сибирское учреждение» (10 актов, утвержденных императором в 1822 г.). «Сибирское учреждение» — предтеча общероссийской кодификации 1832 г. Этот свод почти целое столетие определял характер государственного регулирования общественных отношений в Восточно-Сибирском регионе.

Профессор кафедры социологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, доктор исторических наук, доцент **О.Д. Попова** обратила внимание на взаимоотношения полиции и формирующихся во второй половине XIX — начале XX в. в Российской империи институтов гражданского общества. На основе анализа мемуаров бывших воспитанников духовных семинарий О.Д. Попова сделала вывод, что в середине XIX в. среди семинаристов был очень большой интерес к произведениям известных западных мыслителей. Однако такая тяга к интеллектуальному чтению не поощрялась. Произведения Фейербаха о сущности религии, статьи из журнала «Колокол», произведения Михайловского рассматривались как «возмутительные сочинения», а чтение их семинаристами — как чрезвычайное происшествие в стенах Вологодской семинарии. Когда семинаристы активнейшим образом включились в протестное движение, Учебный комитет попробовал предпринять меры противодействия. В частности, он требовал от руководства семинарий немедленного отчисления всех семинаристов, попавших в поле зрения полиции. О.Д. Попова обратила внимание на трудности самоорганизации общечеловечности, на сложности преодоления сословных традиций и патерналистского характера государства. Государство в процессе становления гражданского общества было не готово к тому, что духовенству, которое для него было опорой, станет тесно в сословных и интеллектуальных рамках, предписываемых им государством, и окажется в среде оппозиционных движений. При

этом оно не смогло быстро выработать адекватные правовые меры реагирования на оппозиционные движения.

Одной из проблем, получивших обсуждение на конференции, стали вопросы источников исследований истории российской полиции.

Доцент кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук **Н.М. Корнева** охарактеризовала документы и материалы фонда дворцовой полиции Российского государственного исторического архива как источники научных исследований. Она отметила, что дворцовая полиция была учреждена 8 декабря 1861 г. по высочайше утвержденному докладу министра императорского двора гр. В.Ф. Адлерберга как особая дворцовая полицейская команда из 30 человек, в обязанности которой входило несение охранной службы в Зимнем дворце и вокруг него, а также наблюдение за входами во дворец. Документы фонда Дворцовой полиции пока еще не получили должного внимания исследователей.

Профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск), доктор исторических наук, доцент **Н.С. Сидоренко** обратила внимание на фонды департамента полиции Государственного архива Российской Федерации, материалы которого являются ценным источником для изучения парламентской биографики. Думская биографика, считает Н.С. Сидоренко, — одно из современных направлений в изучении истории парламентаризма в Российской империи; методологический подход, который тесно связан с антропологическим поворотом в современных гуманитарных исследованиях.

При подведении итогов работы конференции ее участники отметили, что поставленные для обсуждения вопросы получили разностороннее освещение. Работа конференции оценена как плодотворная и способствующая приращению научных знаний об истории российской полиции.

Литература

1. Нижник Н.С. Молодые исследователи — юридической науке: об участии слушателей, курсантов и студентов в Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» / Н.С. Нижник, А.П. Стоцкий, Е.А. Федоринова, Н.И. Карчевская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 214–218.

2. Нижник Н. С. Научный форум, посвященный 300-летию российской полиции (о Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)») (г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г.) : сб. науч. ст. / Н.С. Нижник, С.С. Щепкин, А.В. Демидов, О.В. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 218–226.
3. Нижник Н. С. Научный форум молодых исследователей, посвященный 300-летию полиции России (часть II) (о Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)») / Н.С. Нижник, А.П. Стоцкий, Е.А. Федоринова, Н.И. Карчевская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 210–214.
4. Нижник Н. С. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9.
5. Нижник Н.С. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» (часть II) (о Международной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России) / Н.С. Нижник, С.С. Щепкин, А.В. Демидов, О.В. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 214–222.
6. Нижник Н.С. Государство и право: современное состояние, перспективы развития / Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко // Государство и право. 2017. № 1. С. 111–117.
7. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // Материалы XIV Международной научно-теоретической конференции (г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г.) : сб. науч. ст. / под ред. Н.С. Нижник : в 2 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017.
8. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // Материалы Международной научно-теоретической конференции молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2017 г.) : сб. науч. ст. / под ред. Н.С. Нижник : в 2 т. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017.

Становление органов транспортной юстиции в первой половине 1930-х гг.

Шкаревский Денис Николаевич,
доцент Института государства и права
Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
shkarden@mail.ru

В статье рассматриваются организация и деятельность транспортных судов в первой половине 1930-х гг. Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, в первой половине 1930-х гг. органами транспортной юстиции была организована и проведена кадровая чистка на транспорте. Однако низкий организационный уровень проведения чистки вызвал явное неудовольствие в центре. Во-вторых, чистка сопровождалась борьбой среди руководящих работников юстиции за расширение своего влияния в центре. В-третьих, вполне вероятно, что все названное выше являлось причиной организации репрессий против этих руководящих работников (Межин, Мерэн и др.) во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: транспортные суды, транспортная прокуратура, транспортная юстиция.

Establishment of Transport Justice Authorities in First Half of 1930s

Shkarevsky Denis N.,
Assistant Professor of the Institute of State and Law
of the Surgut State University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

The article discusses the organization and operation of transport courts in the first half of the 1930s. The author comes to the following conclusions. Firstly, in the first half of the 1930s, transport judicial authorities was organized and carried out purges of transport. However, the low level of organization of cleaning caused the apparent dissatisfaction with the center. Secondly, cleaning was accompanied by a struggle among the governing Justice employees to expand its influence in the center. Third, it is likely that all the named above was the reason for the organization of repression against these executives (Mezhin, Merean et al.) in the second half of the 1930s.

Key words: transport courts, transport prosecutor's office, justice transport.

Отдельные вопросы, связанные с деятельностью органов транспортной юстиции, в последнее время достаточно активно изучаются¹. Однако многое по-прежнему остается неизученным.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1930 г. «В целях усиления борьбы с преступлениями, угрожающими нормальной работе транспорта, приближения разбо-

ра дел об этих преступлениях к месту их совершения и ускорения производства этих дел, а также в целях привлечения к борьбе с преступлениями на транспорте внимания широкой пролетарской общественности»² создается система транспортных судов и прокуратуры на железнодорожном транспорте. 7 июня 1934 г. аналогичная система юстиции была создана на водном транспорте.³

¹ Кодинцев А.Я. Транспортная юстиция СССР в 1948–1957 гг. // Транспортное право. 2008. № 4. С. 41–44; Печерский В.А. Военный трибунал Красноярской железной дороги в годы ВОВ // История государства и права. 2015. № 5. С. 20–26; Шкаревский Д.Н. О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 23. С. 16–19.

² Постановление ЦИК СССР № 50, СНК СССР № 667 от 27 ноября 1930 г. «О железнодорожных линейных судах» // СЗ СССР. 1930. № 57. Ст. 601.

³ Постановление ЦИК СССР № 96, СНК СССР № 1285 от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры» // СЗ СССР. 1934. № 33. Ст. 251.

Отмечу, что за деятельностью органов транспортной юстиции пристально наблюдало руководство страны. Уже 18 января 1931 г. П.А. Красиков сообщал И.С. Сталину: «При всех дирекциях железных дорог Советского Союза организованы и приступили к работе 22 линейных суда с таким же количеством специально выделенных прокуроров и следователей.

По данным от 19 железнодорожных линейных судов и прокуроров, на 12 января 1931 г. возбуждено против работников транспорта 857 дел, из них рассмотрено 340, а остальные 517 находятся на стадии предварительного расследования.

Кассационные жалобы на приговоры железнодорожных линейных судов в Транспортную коллегию Верховного суда начали поступать с 5 января 1931 г. и на 18 января их поступило 21, из которых 17 рассмотрено и только 8 оставлено в силе, остальные 9 или за мягкостью избранной меры социальной защиты или за недостаточностью проведенного следствия отменены.

Установленные законом жесткие сроки для предварительного следствия и расследования дел в судах первой инстанции в большинстве своем не соблюдаются. Транспортная коллегия Верховного Суда СССР рассматривает дела в установленный для нее 5-тидневный срок»⁴.

Также П.А. Красиков отмечал: «Дела с мест страдают неполнотой расследования. Часто ограничиваются привлечением только непосредственных совершителей преступления, а лица ответственные за непосредственное руководство данным участком работы на транспорте остаются не привлеченными [т.к.] прокуратура (тов. Янсон) — против этого». Кроме этого, он предложил опубликовать «Закон об ответственности за преступления на транспорте (т.к. нет общесоюзной уголовной нормы)»⁵.

Первые обследования вновь созданных линейных судов продемонстрировали неутешительные результаты. Например, по результатам ознакомления с работой линейного суда и прокуратуры Закавказской железной дороги (10 октября 1931 г.) было установлено следующее: «1. ...до последнего времени единого линейного суда и транспортной прокуратуры Закавказской ж.д. не существовало ни фактически, ни формально. Существовали линейные суды и прокуратуры по Грузии, по

Армении и по Азербайджану, ни чем между собой не связанные и лишенные единого руководства. Отсутствовала связь с дирекцией, с ДТО ОГПУ, с Дорпрофсоюзом, отсутствовал и общий надзор прокуратуры. Ни одного дела по инициативе прокурора, работающего в Тифлисе (центр дороги) возбуждено не было.

Дела поступали самотеком (главным образом мелкие дела). Общественной проработки процессов нет. Среди заседателей имеются бывшие заключенные.

2. В сентябре ЦИК ЗСФСР принял положение о едином линейном суде и транспортной прокуратуре Закавказской ж.д. Председатель линейного суда должен иметь своих заместителей по Грузии, Армении, Азербайджану. На деле это положение не проведено.

В начале сентября председателем линейного суда назначен т. Устьяев. Однако, условий для работы нет. Нет штата (аппарата) и помещения, а в конце сентября тов. Устьяев переведен на другую работу. В линейном суде нет руководства»⁶.

Проблемы на местах явно осложнялись отсутствием в центре единого представления о системе транспортной юстиции. К примеру, Н.М. Янсон (Народный комиссар юстиции РСФСР) выступал за введение т.н. «мандатной системы в управлении транспортной прокуратурой» (или системы мандата), которая предполагала, что «Прокуратура РСФСР действует по поручению Прокуратуры Верховного Суда СССР». Против этой идеи выступил А.Н. Винокуров (председатель Верховного Суда СССР), указав: «Предложенная т. Янсоном система мандата представляет... создание лишней промежуточной инстанции, которая будет мешать скорости прохождения дел... Непосредственное руководство [Верховным судом СССР] линейными судами и транспортной прокуратурой с доведением до сведения Наркомата юстиции ускорит быстроту движения дел»⁷, и в ноябре 1931 г. выступил за преобразование железнодорожных линейных судов в союзные судебные учреждения»⁸.

Этот спор был разрешен в августе 1933 г. Постановлением ЦИК СССР органы транспортной юстиции были переданы в систему Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР⁹. Согласно данному документу на Вер-

⁴ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 13. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 13. Л. 3

⁶ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 14. Л. 18.

⁷ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 14. Л. 2.

⁸ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 14. Л. 17.

⁹ Постановление ЦИК СССР № 75, СНК СССР № 1811 от 27 августа 1933 г. «О передаче железнодорожных

ховный суд СССР и Прокуратуру СССР были возложены обязанности по финансированию линейных судов и подбору кадров для них (совместно с политуправлением Народного комиссариата путей сообщения [НКПС]). Кроме того, на работников транспортной юстиции распространялось действие устава о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта Союза ССР от 4 июня 1933 г. и ставки заработной платы работников транспортной юстиции приравнивались к ставкам соответствующих категорий работников НКПС.

Причину такого разрешения вопроса Ю. Межин описывал так: «...до 1933 г. железнодорожные транспортные суды действовали в системе Наркоматов юстиции союзных республик. В составе Верховного Суда СССР существовала коллегия по транспортным делам, но она была только кассационно-ревизионной инстанцией. Прав судебного управления, оперативного и непосредственного руководства ж.д. судами, права подбора кадров не было. Такая структура себя не оправдала, т.к. не обеспечивала необходимой увязки своей работы с запросами транспорта. Практика работы транспортных судов почти ничем не отличалась от общих судов. Точно также и судебные работники транспортных судов не были знакомы с железнодорожным транспортом и при разборе транспортных дел ни чем не отличались от общих судов»¹⁰.

Первые итоги деятельности транспортных судов руководством страны были подведены в 1935 г. При этом вскрылась весьма неприглядная картина. К примеру, Комиссии партийного контроля (Шкирятов) выявила следующие недостатки в системе транспортной юстиции:

«1. Констатировать грубые политические извращения в работе водно-транспортных органов юстиции и НКВода, выразившееся в незаконном массовом привлечении водников к уголовной ответственности, многочисленных необоснованных арестах и ненужном дергании людей по следственно-судебным инстанциям, в то время как злостные аварийщики часто остаются безнаказанными.

2. Отметить плохое руководство и контроль за местными водно-транспортными

органами юстиции со стороны Прокуратуры и Верховного Суда СССР и предложить т. Вышинскому и т. Винокурову специально ознакомиться состоянием их работы и наметить мероприятия по исправлению указанных недостатков»¹¹.

Ю. Межин указывал на следующие недостатки, имевшие место в первой половине 1930-х гг.: «...до прихода на транспорт т. Кагановича Л.М. работа транспортных судов не отвечала тем задачам, которые перед ними поставлены постановлением ЦИК и СНК. Также как и в общих судах благодаря формальному отношению к вопросам о предании суду имело место массовое осуждение железнодорожников за счет, главным образом, второстепенных и маловажных виновников: за 1934 г. — 27 239 чел осуждено, из них по делам о крушениях — 7 470 чел... Имело место распыление удара репрессии и применение мягких мер наказания, не связанных с лишением свободы. В 1934 и первом квартале 1935 г. к лишению свободы были приговорены 43–46 % осужденных, а по делам о крушениях — 28,8 и 34,7 %»¹².

С приходом Л. Кагановича в НКПС ситуация изменилась. 19 марта 1935 г. был издан приказ НКПС «О борьбе с крушениями и авариями». Ю. Межин именно с ним связывал отказ от применения «массовой репрессии (и судебной и дисциплинарной). Суды резко перестроили свою работу. В I квартале 1935 г. осуждено по всем делам 9082 чел. (по другим данным — 9092 чел.), из них к лишению свободы — 46,8 %; во II квартале — 4753 (к лишению свободы — 59,9 %), в III квартале — 4206 чел. (к лишению свободы — 71,1 %); в IV квартале 1935 г. — 4739 чел. Снижение общего количества осужденных составило 47,8 %.

В I квартале 1936 г. было осуждено по всем делам 3705 чел., во II квартале 1936 г. — 2484 чел.». По мнению Ю. Межина, произошел «отсев второстепенных виновников; выросло применение лишения свободы (73,4 %), а по делам о крушениях — 80 %»¹³.

При этом в системе воднотранспортных судов «в 1935 г. было в производстве 5169 дел. Следователи и прокуратура прекратили 47,3 % дел. Передано в суды 2725 дел (на 5029 чел.). В подготовительном заседании водных судов отсеяно, оправдано и осуждено к исправительно-трудовым работам и более

линейных судов и транспортной прокуратуры железных дорог из системы народных комиссариатов юстиции союзных республик в систему Верховного суда Союза ССР и прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР. 1933. № 55. Ст. 324.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 85. Л. 98.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 85. Л. 150.

¹² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 85. Л. 99.

¹³ Там же. Л. 99; ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 93. Л. 12.

мягким наказаниям 2383 чел... Всего 91 чел. осуждено за к.р. преступления».¹⁴

Подверглись реформированию и организационные основы транспортных судов: «Организованные в начале 1934 г. явочным порядком постоянные сессии с 1 января 1936 г. ликвидируются. Судебный и обслуживающий аппарат постоянных сессий сосредотачивается в дорожном суде при Управлении дороги.

На дорожные суды возлагается обязанность по обслуживанию всей линии выездными сессиями (дела рассматривать по месту совершения преступления)».¹⁵

Эти процессы сопровождались чисткой кадров: «...при активной помощи Транспортного отдела ЦК ВКП (б) и Политуправления НКПС в центре и на местах в систему транспортных судов за последние полтора года было привлечено 82 чел. железнодорожников с большим производственным стажем, что составляет около половины всех транспортных судей». Остальными было взято обязательство «овладеть железнодорожным техминимумом». Таким образом «вопрос о создании кадров специально транспортных судей в основном разрешен».¹⁶

Развитие транспортной юстиции Ю. Межин видел в том, чтобы «реорганизовать Транспортную коллегия в Главный Транспортный Суд, который входя в систему Наркомата юстиции СССР сохранит право судебного управления и непосредственного руководства железнодорожными судами (по образцу реорганизации Военной коллегии Верховного Суда СССР). Водно-транспортную коллегия можно влить в единый Главный Транспортный Суд».¹⁷ Однако Мерэн не поддержал такое видение Межина.¹⁸

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. органами транспортной юстиции была организована и проведена кадровая чистка на транспорте. Однако низкий организационный уровень проведения чистки вызвал явное неудовольствие в центре. Кроме того, чистка сопровождалась борьбой среди руководящих работников юстиции за расширение своего влияния в центре. Вполне вероятно, что это являлось причиной организации репрессий против этих руководящих работников (Межин, Мерэн и др.) во второй половине 1930-х гг.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 85. Л. 155–156.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 93. Л. 13.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 85. Л. 100.

¹⁷ Там же. Л. 100.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 93. Л. 94. Л. 43, 43 об.

Литература

1. Козинцев А.Я. Транспортная юстиция СССР в 1948–1957 гг. / А.Я. Козинцев // Транспортное право. 2008. № 4. С. 41–44.
2. Печерский В.А. Военный трибунал Красноярской железной дороги в годы ВОВ / В.А. Печерский // История государства и права. 2015. № 5. С. 20–26.
3. Шкаревский Д.Н. О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в 30-е гг. XX в. / Д.Н. Шкаревский // История государства и права. 2013. № 23. С. 16–19.